
ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
II Международной научной интернет-конференции

г. Якутск, 11-24 апреля 2016 г.

НОВОСИБИРСК
2016

УДК 159.922.4(063)
ББК 88.542.5я431
Э 91

Редакционная коллегия:

А.И. Егорова, кандидат психологических наук, доцент;
Т.Н. Сидорова (ответственный редактор)

Э 91 **Этническая психология и современные реалии:** сборник материалов II Международной научной интернет-конференции / Ред. коллегия: А.И. Егорова, Т.Н. Сидорова (отв. ред.); 11-24 апреля 2016 г., г. Якутск. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. – 120 с.

ISBN 978-5-00068-759-8

В настоящий сборник вошли научные статьи, отражающие результаты междисциплинарных исследований в области этнической психологии, медицины, филологии, философии. В основу представленных статей положены материалы II Международной научной интернет-конференции «Этническая психология и современные реалии», посвященные широкому кругу социально-психологических проблем, вопросам этнической идентичности, здоровья и ценностей в различных культурах.

В сборник вошли материалы секций: «Этнос. Культура. Идентичность. Личность», «Этнос. Культура. Бизнес», «Этнос. Коммуникация. Общение», «Этнос. Миграция. Аккультурация», «Этнос. Культура. Образ жизни», «Этнос. Культура. Познание. Язык».

Все материалы публикуются в авторской редакции.

Сборник материалов МНПК зарегистрирован в РИНЦ и размещен на сайте Научной электронной библиотеки elibrary.ru.

УДК 159.922.4(063)
ББК 88.542.5я431

ISBN 978-5-00068-759-8

© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Этнос. Культура. Идентичность. Личность	5
<i>Хороших П.П., Мамедова Л.В., Сергиевич А.А.</i> Кризис этнической идентичности как одна из основных проблем коренных малочисленных народов Российской Федерации.....	6
<i>Осипов С.С.</i> О национальном самосознании якутов	9
<i>Львова О.И., Хохолова С.Е.</i> Проблема девиантного поведения подростков в Республике Саха (Якутия)	14
<i>Монсонова А.Р.</i> Этноконфессиональная идентичность личности как психологическая проблема.....	17
<i>Егорова А.И.</i> Особенности этнической идентичности эвенков, проживающих в Республике Саха (Якутия).....	22
Секция 2. Этнос. Культура. Бизнес	28
<i>Гунзунова Б.А.</i> Этнопсихологические особенности саморегуляции педагогов.....	29
<i>Манкетова Ю.А., Санжаева Р.Д.</i> Психограмма будущего следователя.....	33
<i>Басхаева И.И.</i> Этнопсихологические особенности студентов педколледжа	37
Секция 3. Этнос. Коммуникация. Общение	42
<i>Гуриева С.Д., Хрусталева Н.С.</i> Факторы прогнозирования и принципы управления этническими конфликтами	43
<i>Куликов Л.В., Грива О.В.</i> Сравнительный анализ дружеских чувств у тюркоязычных и русскоязычных студентов	56
Секция 4. Этнос. Миграция. Аккультурация	62
<i>Тойсова О.В., Шукина К.Е.</i> Исследование толерантности по отношению к местным жителям у мигрантов из КНР	63
Секция 5. Этнос. Культура. Образ жизни	67
<i>Елисеева Н.Д.</i> Факторы, повлиявшие на формирование менталитета коренных народов Якутии	68
<i>Базарова Д.Р., Монсонова А.Р.</i> Духовные ценности в образе мира студентов	73

<i>Попова Д.А., Нафанаилова М.С.</i> Ценности мужчин саха в глобализирующемся мире	76
<i>Готовцева И.П., Винокурова Я.В.</i> Межэтнические различия психологических особенностей онкологических больных	79
<i>Сергиевич А.А., Хороших П.П.</i> Состояние здоровья детского населения коренных жителей северных регионов России	86
<i>Михайлова В.В., Неустроева А.Б.</i> Образ Севера в представлениях молодежи	90
Секция 6. Этнос. Культура. Познание. Язык	96
<i>Старостина Л.Д.</i> Специфика языковой среды детей саха младшего школьного возраста	97
<i>Старостина Л.Д.</i> Билингвизм как проблема социализации детей саха в поликультурной среде	107
<i>Бадмаева Х.Т., Санжаева Р.Д.</i> Этнопсихологический аспект креативности младших школьников	111
<i>Хохолова И.С.</i> Образ женственности у представителей якутской культуры (на материале якутского эпоса «Ньургун Боотур Стремительный»).....	115

Секция 1

***ЭТНОС. КУЛЬТУРА.
ИДЕНТИЧНОСТЬ.
ЛИЧНОСТЬ***

КРИЗИС ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Хороших П.П.¹, Мамедова Л.В.¹, Сергиевич А.А.²

¹Технический институт (филиал)

Северо-Восточного федерального университета, г. Нерюнгри

²Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

В статье рассматриваются причины кризиса этнической идентичности коренного малочисленного населения Российской Федерации. По мнению авторов, незнание родного языка становится одной из ключевых причин развития индифферентного отношения к собственному этносу. Кроме этого, процессы глобализации и миграционные процессы также оказывают негативное влияние на общую картину этнической идентичности коренного малочисленного населения. Авторы отмечают, что данная проблема может привести к потере культуры и всего этноса в целом.

Ключевые слова: кризис, этнос, коренные малочисленные народы.

Российская Федерация является многонациональной страной, в которой проживают огромное количество этносов. Среди всего этого разнообразия культур на настоящий момент выделяют 40 народов, которые официально получили статус коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

Стоит отметить, что коренные малочисленные народы – это народы, которые постоянно проживают на территории традиционного бытия их предков, и сохраняют при этом самобытный уклад жизни. Одним из важных признаков народа, причисленного к малочисленным, это общая численность менее 50 тысяч человек на территории России. Все представители народа должны осознавать себя самобытной этнической общностью. Основа жизни этих народов, определяющая их этническое и духовное развитие, заключается в сохранении традиционных систем жизнеобеспечения и форм хозяйственной деятельности. К подобным формам хозяйствования можно отнести оленеводство, охоту, рыболовство и собирательство.

К сожалению, на сегодняшний день особо острым вопросом является этническая самосознание коренных малочисленных народов Севера. Под этническим самосознанием мы понимаем восприятие народом собственного положения в структуре взаимодействий с другими народами, а также своей роли в истории человечества, в том числе и право на свободное независимое существование [1, с. 3].

Этническая идентичность формируется у человека уже в раннем возрасте. Маленький ребенок познает мир, наблюдая за окружающими, слушает народные сказки и разные истории, постепенно постигая, что такое хорошо, и что такое плохо. Знакомясь с родственниками, слушая родовые предания, он узнает историю своего рода, осознавая свое положение в нем. Ребенок наблюдает за работой взрослых, учится делать нарты, капканы, снасти для рыбалки, запрягать в нарты оленей и собак, делать домашнюю утварь, обрабатывать шкуры, шить одежду и обувь. Старшие родственники рассказывают ребенку о повадках животных и птиц, о лекарственных и съедобных растениях, покажут, где они растут, возьмут с собой в лес на охоту и рыбалку, за грибами и ягодами. Кочуя вместе с родителями и стадом оленей, ребенок узнает маршрут кочевки, видит родовые уголья и священные места своего рода. Участвуя в обряде или празднике, ребенок узнает обычаи своего племени, научится танцевать и петь песни своего народа. Весь этот мир, который ребенок познает в первые годы своей жизни. Составляет традиционную культуру, и влияет на формирование этнической идентичности как одного из главных качеств личности представителя любого из народов Севера.

Однако, при формировании этнической идентичности у детей коренных малочисленных народов Севера необходимо учитывать ряд важных факторов. Основным фактором, негативно влияющим на степень сохранения культуры и родного языка, при их малочисленности является дисперсность их расселения. Многонациональная среда с одной доминирующей культурой, межнациональные браки, при которых этническая самоидентификация детей происходит сложно, сохранение родовых отношений, в некоторых случаях, усложняющих внутриэтнические консолидирующие процессы, наличие у части населения маргинального отношения к национальной культуре и этническому языку коренных малочисленных народов Севера без конкретной стратегии также оказывают значительное влияние.

Сегодня наблюдается усиление маргинальной этнической идентичности, при которой человек, живущий в полиэтнической среде, не владеет в достаточной мере ни одной из культур, что приводит к внутриличностным

конфликтам. Чаще всего это проявляется через ощущение неудачливости, бессмысленности существования, агрессивность.

Современные исследования показывают, что сложные отношения между этносами, взаимовлияния, нарушающее естественный ход этнической социализации могут изменить как содержание этнической социализации личности, так и ее стадийность. Сценарии формирования этнической идентификации становятся все более разнообразными. Все чаще эти сценарии формируются личностью самостоятельно. Акцент на активность, сознательность и ответственность личности в формировании собственной этнической идентичности яркая особенность этнопсихологической ситуации в современном полиэтничном мире.

Важным фактором, который также может привести к кризису этнической идентичности, необходимо считать процессы глобализации. Глобализация может восприниматься как взаимодействие двух тенденций противоположных друг другу по своей сути. С одной стороны, усиливается культурное пространство и многообразие культур, однако с другой стороны возникает проблема утраты национальной, этнической идентичности. Глобализация связана с культурой масс, которая распространяется через средства массовой информации. Поэтому глобализация может оказывать и оказывает прямое воздействие на все процессы.

На сегодняшний день все больше сокращается число носителей родного языка в этнических группах коренных малочисленных народов. Это также ведет к тому, что постепенно утрачивается вся самобытная культура народа, его корни. Незнание родного языка ведет к тому, что представители этноса теряют одну из главных составляющих своего этнического самосознания. По нашему мнению, это становится причиной «кризиса этнической идентификации личности». Человек-представитель коренного населения уже не считает, что быть причастным к культуре своего народа – это что-то важное и ценное. Незнание или лишь частичное знание родного языка ведет к изменению системы мышления человека. Теряется основа традиционного восприятия мира, и что ставит человека в ситуацию неопределенности. Человек не может полностью отождествить себя как часть традиционной культуры своего народа, ведь неполное, частичное знание языка позволяет создать лишь фрагментарную картину восприятия окружающей действительности. Наравне с этим, человек не способен соотнести себя с какой-либо иной этнической группой, даже если она является родственной, ведь представления об этой группе внешние, поверхностные.

Таким образом, кризис этнической идентичности – это реально существующая проблема, с которой столкнулись представители коренных малочисленных народов России. И от того, как скоро мы сможем сформировать пути решения этой проблемы зависит, сохранится ли традиционная культура этих народов или она будет утрачена для потомков, сохранивших лишь в источниках традиционной культуры.

Список литературы:

1. Самсонкина Е.А., Муха В.Н. Риски этнической идентичности в современном мире // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2014. – № 37. – С. 58-63.
2. Рашидов И. Эрозия этнической идентичности и ее последствия в Северо-Кавказском регионе // Кавказ и глобализация. – 2012. – № 4. – С. 119-129.
3. Широкова Т.И. Концептуальные истоки и основы теории этнической идентичности // Власть. – 2010. – № 6. – С. 95-98.
4. Егорова А.И., Нафанаилова М.С., Макарова А.П., Сидорова Т.Н. Особенности этнической идентичности чукчей, проживающих в Нижнеколымском районе РС (Я) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2013. – № 2. – С. 150-158.
5. Самойлова А.В. Культурная идентичность как социально-педагогическая проблема // Вестник КазГУКИ. – 2013. – № 4-1. – С. 94-97.

УДК 159.9 ББК 88.52

О НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ ЯКУТОВ

© Осипов С.С.

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

Статья о национальном самосознании якутов, факторах, влияющих на этническую идентичность якутов, о роли и значении истории и этнопсихологии, а также СВФУ для формирования современного типа якутов. Автор дает свою трактовку письма «Якутской интеллигенции» и поэмы «Сновидение шамана» зачинателя якутской литературы А.Е. Кулаковского, одного из выразителей народного духа и роста национального самосознания в начале 20 века. По мнению автора, отсутствие истории

Якутии, признаваемой в научном мире без границ, тормозит не только развитие исторической науки и этнопсихологии, но и культурное, духовное и нравственное продвижение народа, который на данном историческом этапе разрывается между архаикой и модерном. Одна из главных задач Северо-Восточного федерального университета – сбалансировать запрос на прошлое с запросом на настоящее и будущее в жизнедеятельности якутов.

Ключевые слова: национальное самосознание, история, этнопсихология, архаика, модерн, вхождение в современность.

Прежде чем говорить о психологии якутов, следует осветить историю взаимоотношений якутов и русских, начиная с вхождения Якутии в состав России, с чего следует рассматривать вопрос об идентичности якутов. То, что якуты до сих пор живут без истории, признаваемой в научном мире без границ и принимаемой за основу исторической памяти народа, свидетельствует о неготовности тех и других посмотреть правде в глаза. Зато есть коллективная монография «Якуты» как результат совместной работы Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в рамках проекта «Народы и культуры», о которой нельзя не сказать пару слов в контексте данной конференции. На наш взгляд, заключительная Глава 10 «Этнокультурные и этнополитические процессы» в большей степени соответствует такому ненаучному понятию как отчет правительства Республики Саха (Якутия) перед федеральной властью и определяет значение всей монографии.

«Этнопсихологи призваны выяснить, где нужно искать причины столь частого непонимания, возникающего при контактах представителей разных народов; существуют ли какие-либо обусловленные культурой особенности психики, которые заставляют членов одного народа игнорировать, смотреть сверху вниз или дискриминировать представителей другого народа; имеются ли психологические явления, способствующие росту межэтнической напряженности и межэтническим конфликтам. Среди множества вопросов, требующих ответа, и вопрос о психологических причинах роста этнической идентичности в наше время» [2]. Позвольте обратить ваше внимание на формулировку «сверху вниз». Собственно, это и есть ключевая точка в системе координат для определения взаимоотношений русских и якутов.

Рост национального самосознания народов бывшего СССР был явлением закономерным, прогнозируемым и ожидаемым. Для полноты картины «дружбы народов» приведу еще одну цитату из книги Т.Г. Стефаненко «Этнопсихология»: «Начиная с 60-70 гг. нашего столетия в мировом масштабе

наметились процессы, характеризующиеся стремлением народов сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность бытовой культуры и психологического склада, всплеском у многих миллионов людей осознания своей принадлежности к определенному этносу – национального самосознания или этнической идентичности, если использовать более привычный для психолога термин. /.../ Мы не будем подробно останавливаться на непсихологических причинах небывалого роста этнической солидарности большинства народов бывшего СССР, а только перечислим некоторые из них: 1) имперское колониальное наследие, в частности приоритет православной церкви даже в годы гонений на религию – когда все церкви были «плохие», православная была все-таки немного лучше; 2) преступления против человечества (депортации целых народов, репрессии против национальной интеллигенции); 3) сверхпроизвольность этно-территориального членения страны: только 53 народа из более чем 100, проживавших на территории бывшего СССР, имели свои национальные единицы, причем была установлена их строгая иерархия – союзные республики, автономные республики, автономные области, автономные округа. А статус национально-государственных образований и их границы очень часто определялись без учета численности и реального расселения народов. В этой ситуации задолго до распада СССР многие этносы стремились к самоопределению, рассматривая существующий порядок как незаконный. Национальная напряженность проявлялась во многих регионах, случались и массовые выступления: например, в 70-х – начале 80-х гг. в Грузии, Абхазии, Северной Осетии, Якутии. Но известны они были только специалистам. Этнографы и социологи знали, что на территории СССР существуют многочисленные узлы межнациональных противоречий, которые в любой момент могут вспыхнуть – Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия и многие другие. И все-таки кризис конца 80-х гг., когда гласность «выпустила джинна из бутылки», застал всех врасплох. Не подготовленными к нему оказались не только государственные структуры, но и научное сообщество, многочисленные специалисты, занимавшиеся доказательством расцвета и сближения наций: историки, философы, социологи, демографы. Не подготовленными оказались и психологи, но по другой причине – этнопсихология в это время находилась в нашей стране в зачаточном состоянии, этнопсихологические исследования не проводились с 30-х гг., когда их фактически запретили, прямо связывая с расизмом и национализмом». На наш взгляд, сейчас лучше ссылаться на академические издания, а не излагать сходную точку зрения своими словами, чтобы не быть обвиненным к тому же в экстремизме.

Следующим моментом является вопрос о разнице взглядов и представлений якутов о своем месте в мире. Одним из выразителей народного духа и роста национального самосознания якутов в начале 20 века был зачинатель якутской литературы А.Е. Кулаковский, автор письма «Якутской интеллигенции». Как творец он обладал способностью смотреть на все происходящее в мире, в Российской империи и Якутии с поэтической высоты. То есть сверху вниз. Как инородец, живущий на краю света, он смотрел на Россию и окружающий мир снизу-вверх. Именно взгляд снизу-вверх – это важный момент для прочтения исторического документа и понимания позиции якутов того времени. Позиции выживания в более развитом мире и желания сохранить свой язык, культуру, землю, образ жизни и традиционные ценности.

В период перестройки и годы суверенитета Якутии в народном сознании ожил образ Тыгына. Это образ легендарного вождя якутов, который не желал смотреть на представителей другого мира снизу-вверх, за что и был предан смерти, а после и забвению в истории ЯАССР. И это тоже важный момент. Декларация о государственном суверенитете Якутии (27 сентября 1990 г.) является выражением воли народа быть на равных со всеми в мире. Последующая дискредитация этого исторического документа есть реакция другой точки зрения на место якутов в современной жизни. В чем отличие якута 21 века от якутов 19 и 20 веков? Современный якут, даже по принуждению, больше никогда не смирится с тем, что кому-то угодно смотреть на него сверху вниз.

Немаловажным представляется вопрос о раздвоенности сознания якутов. Отсутствие истории якутов тормозит культурное, нравственное и духовное развитие народа, который на данном этапе разрывается между архаикой и модерном. С одной стороны, необходимость сохранения всего традиционного, самобытного и уникального уводит умы в мифологизированное прошлое, а с другой, прорыв в современность раздвигает горизонты, но порой отрывает от корней. Это позволяет властям манипулировать сознанием народа, призывая или к евразийству, или к тюркскому миру, или к арктической цивилизации, в зависимости от политической конъюнктуры. Также мифологизируются исторические личности из недавнего прошлого. Необязательно быть историком, чтобы понимать, что в кровавые периоды советской истории, связанные с гражданской войной, репрессиями и сталинским правлением, не было «белых и пушистых» героев. Возникают дискуссии (не только в соцсетях), кто настоящие якуты, а кто ненастоящие, кто патриоты, а кто враги республики.

Есть и другие обстоятельства, разрывающие современного якута. С одной стороны, это вынужденное пребывание в изоляции от всего остального

мира (таковы политические реалии), а с другой – неизбежное желание заявить о себе миру, живя на краю света. Общество еще не осознает роли и значения Северо-Восточного федерального университета. Это окно в большой мир. Развитие Университета – это мост в будущее. Университет должен сбалансировать запрос на прошлое с запросом на настоящее и будущее в жизнедеятельности якутов.

При рассмотрении национального самосознания невозможно не упомянуть тип культуры якутов. Это аполлонический тип, который характеризуется как созерцательный, односторонне-интеллектуальный, без крайностей. В якутском варианте – охранитель. Представители дионисической культуры (прорывные, раздвигающие рамки и границы) – редкие исключения (например, современный драматург Семен Ермолаев, режиссер театра и кино Сергей Потапов, художник Михаил Старостин). К слову сказать, к «дионисийцам» можно отнести Алексея Кулаковского-Ексекуляха, который с архаическим набором инструментов выстроил модель нового миропорядка в поэме «Сновидение шамана». Нынешние творческие союзы существуют как атавизмы идеологической структуры Советского Союза. Стирается разница между профессиональным искусством и самодеятельностью. Нивелируется шкала ценностей. Так, на ленте новостей агентства ЯСИА, например, я как-то прочитал сообщение о поэтическом вечере улусной поэтессы в столице республики, в кульминации которого виновница торжества раздала восторженным слушателям мясные деликатесы из традиционной якутской кухни и дары природы.

В заключение хочется сказать, что вхождение якутов в современный мир зависит от баланса запроса на прошлое с запросом на настоящее и будущее.

Список литературы:

1. Якуты (Саха) / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. – М.: Наука, 2013. – 599 с. – (Народы и культуры).
2. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
3. Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции / Публ. С.И. Николаева // Поляр. звезда. – 1990. – № 5. – С. 89-107.
4. Кулаковский А.Е. Песня Якута: Стихи и поэмы. – М.: Сов. Россия, 1977. – 303 с. – (Поэт. Россия).

ПРОБЛЕМА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

© **Львова О.И., Хохолова С.Е.**

«Центр социально-психологической поддержки семьи и молодежи»,
г. Якутск

В данной статье приводятся результаты исследования по выявлению взаимосвязи девиантного поведения в Республике Саха (Якутия) и социально-психологической адаптации подростков. Выявлено, что существуют взаимосвязи между критериями социально-психологической адаптации (эскапизм, эмоциональный комфорт, самопринятие и принятие других, интернальность, доминирование) и отдельными формами отклоняющегося поведения (аддиктивное, делинкветное и суицидальное).

Ключевые слова: девиантное поведение, делинкветное поведение, аддиктивное поведение, суицидальное поведение, социально-психологическая адаптация, эскапизм, самопринятие, принятие других.

Подростковая девиация, проявляющаяся в самых различных формах, приобретает черты массового явления, которое отличается устойчивыми тенденциями роста, широким распространением на подростковую и порой даже детскую часть населения. Актуальность развития и совершенствования системы профилактики девиантного поведения бесспорна и очевидно необходима в условиях современной России. Социальная напряженность в стране порождает серьезный рост различного рода нарушений несовершеннолетними социальных норм: постоянно происходит расширение масштабов правонарушений и преступлений, подросткового алкоголизма, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и других проявлений девиантного поведения.

По данным 2014-2015 годов территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) число преступлений совершенных несовершеннолетними в возрасте от 14 до 17 лет составило 1 064 человек. Рост общего количества за год составило 11 % по сравнению с аналогичным прошлым периодом, и это показывает тенденцию увеличения подростковой девиации. Преступность молодеет и принимает устойчивый рецидивный характер. А такая криминализация молодежной

среды лишает общество перспектив установления в скором будущем социального равновесия и благополучия.

В основе тезиса лежит определение Е.В. Змановской, которая обозначает девиантное поведение как устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» [1, с. 15]. Также выделяется мнение В.Т. Кондрашенко о том, что «девиантное поведение, или отклоняющееся поведение – понятие социально-психологическое, так как обозначает отклонение от принятых в данном конкретно-историческом обществе норм межличностных взаимоотношений, действий, поступков и высказываний, совершаемых в рамках психического здоровья» [2, с. 77]. Ссылаясь на вышесказанные понятия, определена цель исследования в изучении взаимосвязи девиантного поведения подростков, и его форм, с социально-психологической адаптацией. Инструментом исследования выступили диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения «ДАП-П» и методика диагностики социально-психологической адаптации «СПА» (К. Роджерс, Р. Даймонд, адаптирована Т.В. Снегиревой). В исследовании приняли участие 300 подростков в возрасте от 14 до 16 лет с 16 районов республики и г. Якутска.

Для анализа взаимосвязи девиантного поведения и социально-психологической адаптации использован метод ранговой корреляции (r – критерий Спирмена). По выявленным взаимосвязям построены корреляционные плеяды (рис. 1).

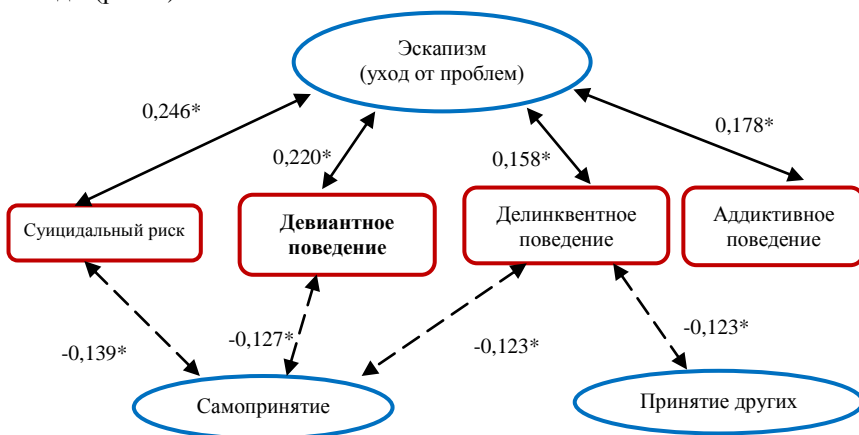

Рис. 1. Корреляционные плеяды по выявленным взаимосвязям

Таким образом, выявлена взаимосвязь между девиантным поведением и с таким критерием адаптированности, как эскапизм – уход от проблем ($r = 0,220^{**}$). Это говорит о том, что чем больше человек стремится бежать от реальности, тем выше у него склонность к отклоняющемуся поведению, в частности, выше уровень суицидального риска ($r = 0,246^{**}$), делинквентного ($r = 0,220^{**}$) и аддиктивного поведения ($r = 0,178^{**}$). В данном случае, подросток, в силу своей невозможности решить какие-то жизненные проблемы, испытывает стресс, в следствие чего избегает этих проблем, нарушая при этом общественные нормы и правила: употребляет психоактивные вещества для изменения своего психического состояния, с целью «забыться» или «расслабиться»; дает волю своей агрессии, например физической (драки, дебош и т.п.); и в крайнем случае, намеревается или совершает суицид, т.к. не видит других способов выйти из стрессовой ситуации.

Кроме эскапизма, девиантное поведение имеет слабую отрицательную взаимосвязь с уровнем самопринятия ($r = -0,127^*$). Это значит, что чем выше уровень принятия себя, тем ниже склонность к отклонениям в поведении, в частности: ниже уровень суицидального ($r = -0,139^*$) и делинквентного поведения ($r = -0,123^*$). Низкая самооценка личности и постоянное самообвинение могут натолкнуть человека на суицидальные мысли, ощущение ненужности и бесполезности своей жизни, а также на совершение преступлений, т.к. человек не ценит себя и свою свободу.

Склонность к противоправному поведению, также отрицательно взаимосвязана с таким критерием адаптированности, как принятие других ($r = -0,123^*$). То есть, человек, проявляющий толерантность и доверие, с развитым чувством ценности и уважения к окружающим людям, менее склонен к совершению какого-либо вреда окружающим и их имуществу, т.е. к делинквентному поведению.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что между девиантным поведением и социально-психологической адаптацией у подростков Республики Саха (Якутия) нет явной взаимосвязи, однако существуют слабые взаимосвязи между ее критериями и отдельными формами отклоняющегося поведения. Так, эскапизм имеет слабую положительную взаимосвязь между всеми формами девиантного поведения; самопринятие отрицательно взаимосвязано с девиантным поведением, в частности с суицидальным и делинквентным поведением; делинквентное же поведение, в свою очередь, отрицательно взаимосвязано с уровнем принятия других.

Полученные результаты легли в основу создания одной из целевых программ государственного бюджетного учреждения «Центр социально-психо-

логической поддержки семьи и молодежи», а также рекомендованы для использования практическими психологами и педагогами для профилактической и психотерапевтической работы с девиантным поведением подростков, а также для объективного анализа проблем связанных с отклоняющимся поведением и социально-психологической адаптацией в личностном, профессиональном, семейном консультировании.

Список литературы:

1. Змановская Е.В. Девиантология. Психология отклоняющегося поведения. – М.: Академия, 2008. – 288 с.
2. Кондрашенко В.П. Девиантное поведение у подростка: социально-психологические и психиатрические аспекты. – Мн.: Беларусь, 1988. – 204 с.
3. Ларионова С.А. Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель и диагностика: монография. – Белгород, 2002. – 200 с.
4. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.; М.: Питер, 2000. – 349 с.
5. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М.: Академический проект; Трикста, 2005. – 336 с.

УДК 159.922 ББК 88.58

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

© Монсонова А.Р.

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Проблема этноконфессиональной идентичности личности актуализируется в условиях трансформации российского общества, когда социальные, межэтнические конфликты становятся индукторами личностных кризисов. В связи с разрушением ценностей, стереотипов и норм поведения, лежащих в ее основе, проблема выбора ценностей, норм и самоопределения личности становится особо актуальной. Несмотря на имеющиеся исследования, психологические концепции, нет однозначного ответа на вопросы о природе, закономерностях и механизмах формирования идентичности, особенно этноконфессиональной, о феноменологии, классификации, структуре и состояниях идентичности.

Ключевые слова: этнос, идентичность, конфессия, духовность, механизмы адаптации, социализации, индивидуализации.

В контексте современной постнеклассической психологии, ее методологической толерантности, важным является анализ параметров социокультурной среды. К этим параметрам относится проблема и этноконфессиональной идентичности личности, ее духовного развития и воспитания. Актуальность данной проблемы подчеркивается последними правительственными документами: «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года» (2015), «Стратегия государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» (2012), «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» и др., в которых отмечается, что ключевыми проблемами настоящего времени являются: слабое общероссийское гражданское самосознание при усилении значимости этнической и религиозной самоидентификации; распространение националистических настроений; неудовлетворенность в среде различных народов уровнем обеспечения их культурно-языковых прав; недостаточное использование имеющихся ресурсов в целях достижения гармонизации межнациональных отношений, укрепления гражданского единства многонационального народа Российской Федерации и т.д.

Фельдштейн Д.И. писал, что национальная инициатива «Наша новая школа» в своих задачах подчеркивает «важность раскрытия закономерностей не только когнитивного, социального, но и духовного развития детей, их переживаний, стремлений, сомнений. При этом актуализируется необходимость выявления средств, механизмов, условий формирования ценностной базы растущих людей, их нравственных установок и ориентаций, введения в мир большой духовной культуры, формирующей уважение Человека, уважение важнейших человеческих качеств, разработки, в частности, психолого-педагогических основ воспитания личностных особенностей, кумулирующих в единстве лучшие черты конкретного этноса, в целом российского народа и общечеловеческих ценностей. При этом важно, наконец, самим определиться, к чему мы стремимся готовить ребенка: к конкуренции, власти, деньгам? Или к осознанию ответственности за себя и других людей, за безопасность жизни на Земле, стимулируя совершение поступков, достойных человека?» [13, с. 52].

Анализ различных концепций, видов, типов, структур, иерархий идентичности позволяет сделать вывод, что этноконфессиональная идентичность личности, определяемая нами в рабочем варианте, как позитивный

результат процесса идентификации личности с окружающим миром в пространстве и во времени (Культ Вечного Синего Неба, гор и др.), с системой ценностей и смыслов культуры своего этноса, принятием его конфессиональных, духовных традиций, норм и открытостью, толерантностью к ценностям мировых конфессий, ее сущность проявляется во всем многообразии подходов к проблеме идентичности. Это можно подтвердить феноменом современной мировой религиозности – верующие без религии, со слабо выраженной конфессиональной идентичностью, с принципом: «Бог един» [2].

Позитивная и негативная (по Э. Эриксону) этноконфессиональная идентичность проявляется в современной толерантности / интолерантности, стереотипах и автостереотипах по отношению к конфессиональным ценностям других народов, что является фактором международной напряженности. Иванова С.В. отмечает ситуацию возрастания глобальных рисков, период не мира – не войны: Психологической проблемой становится этноконфессиональная безопасность [5, с. 6].

Динамика процесса формирования этноконфессиональной идентичности личности связана с позитивными образовательными направлениями: введением в школы учебного предмета в 4 классах «Основы религиозных культур и светской этики», создание условий преемственности духовных знаний в средних и старших классах через ФГОС, учебные универсальные действия (УУД), рассмотрение вопроса о преподавании теологии в университетах по инициативе патриарха России отца Кирилла, да и его долгожданная встреча в эти дни с Папой Римским дает надежду на толерантность между католической и православной Церковью. Ватерман А. выделяет четыре сферы жизни, наиболее значимые для формирования идентичности: 1) выбор профессии и профессионального пути; 2) принятие и переоценка религиозных и моральных убеждений; 3) выработка политических взглядов; 4) принятие набора социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства [7].

Этноконфессиональная идентичность наиболее связана с этнической идентичностью, которая рассматривается многими авторами как условие целостности и саморазвития личности. Авилов Г.М., Монсонова А.Р., Серый А.В., Яницкий М.С., отмечают, что в массовом сознании национальная принадлежность все более устойчиво связывается с конфессиональной принадлежностью, что группы с различной конфессиональной принадлежностью характеризуются различными ценностными системами, отражающими особенности религиозных представлений, имеющими различную степень осознанности ценностей и их внутреннего принятия. Конфессиональная принадлежность выступает одной из детерминант формирования ценностно-смысло-

вой сферы личности и, соответственно, должна учитываться в исследованиях ценностных предпочтений конфессиональной группы [7, 12, 14].

Механизм идентификации является основным психологическим механизмом обучения в системе «учитель-ученик» в восточной культуре, что нашло отражение в концепции учителя в школе «Йога ламы». Учителю предъявлялись требования: 1) проявлять любовь к ученику; 2) учить его достойному и хорошему поведению; 3) старательно обучать его, наделять знанием наук и мудростью древних; 4) хорошо отзываться об ученике его друзьям и родственникам; оберегать его от опасности [10].

В структуре этноконфессиональной идентичности личности традиционно нами выделяются когнитивный, эмоционально-аффективный и конативно-поведенческий компоненты. Когнитивный компонент личности образует комплекс представлений об окружающем мире, природе, которая неотделима от человека, связана с его историческими корнями, родовыми ценностями, легендами, нарративами, с культовыми местами, с понятием «тоонто» – местом рождения и т.д. Эмоциональный компонент опирается на эталоны, которым социальные нормы данной группы, этноса придают статус обязательных. У субъекта, принадлежащего к конфессиональной группе, складываются собственные, субъективные эталоны верования, культурные установки. Поведенческий компонент образуют ценностно-смысловые ориентации, этноконфессиональная компетентность, гармонизация психики. Овладение этноконфессиональной компетенцией в школах целесообразно осуществлять поэтапно через монокультурный, интеркультурный, транскультурный уровни [7].

Сохранение российской этноконфессиональной идентичности является неперенным условием для сохранения и развития нашей страны.

В России с середины XVIII века философы и историки начали уделять внимание природе этничности менталитета народов. Соловьев В.С. в своей работе «Русская идея» этничность народа рассматривает через религиозную идею: «Ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». Бердяев Н.А. отмечал, что формирование и становление личности невозможно без существования этнической идентичности. Шпет Г.Г. проблему этнического самосознания личности решает через ее духовность. Этническая принадлежность определяется им не физиологическими приметами, не географическим местом обитания, а духовной общностью со своим родом, с народностью, с нацией.

Абаев Н.В. [1] пишет, что религиозно-мифологическое мировоззрение тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, Алтай-Байкалии, в том числе Предбайкалья и Забайкалья, являлось одним из наиболее фундаментальных механизмов организации и саморегуляции кочевнических обществ, и, одно-

временно, специфическим способом диалектического, натурфилософского осмысления сущего. Одним из выражений данной тенденции в мировоззрении древних тюрков и монголов было возникновение и развитие «тенгрианства» – этноконфессиональной веры, в которой архаические культы Неба и Земли обнаруживают устойчивое стремление к своему диалектическому отрицанию, к достижению ситуации «диалектического монизма», которая позволяет достаточно эффективно поддерживать социальные отношения традиционного общества кочевников уже на стадии образования кочевнических цивилизаций и вырабатывать определенные принципы цивилизационной геополитики, позволяющие более четко осознавать свою цивилизационно-культурную общность, а затем и претворять их в жизнь в своей внешнеполитической деятельности.

Разорина Д.Н. справедливо указывает на то, что обособленность методологических традиций изучения идентичности, специфичность получаемых в их рамках результатов, противоречивость и фрагментарность представлений о структуре и динамике идентичности свидетельствуют о необходимости переосмыслить и систематизировать накопленные по проблеме идентичности теоретические и эмпирические данные [9, с. 217].

Список литературы:

1. Абаев Н.В., Фельдман В.Р. Этноконфессиональные традиции и экологическая культура народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона. – Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2007. – 168 с.
2. Базарова Д.Р. Структурно-содержательные характеристики образа мира молодежи Байкальского региона: дисс. ... канд. психол. наук. – Улан-Удэ, 2012. – 186 с.
3. Джемс У. Сокровища религиозного опыта. – М., 1992. – 142 с.
4. Его Святейшество Далай-лама. Путь к спокойствию. Ежедневные медитации / Пер. с англ. Ю. Черновой и Г. Ковалевой. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 416 с.
5. Иванова С.В. Гражданская идентичность в период не мира – не войны. Слово главного редактора // Ценности и смыслы. – 2015. – № 5 (39). – С. 5-7.
6. Карнышев А.Д., Винокуров М.А., Трофимова Е.Л. Межэтническое взаимодействие и межкультурная компетентность. – Иркутск: Изд-во БГУ-ЭП, 2009. – 310 с.
7. Монсонова А.Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций молодежи (Байкальский регион). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. ГУ, 2010. – 126 с.
8. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое изд-во, 2004.

9. Разорина Д.Н. Проблема структуры и динамики идентичности в современной зарубежной социальной психологии // Вестник Кемеровского государственного ун-та. – 2015. – № 3 (63), Т. 3. – С. 211-218.

10. Санжаева Р.Д. Этнопсихокультура бурят в контексте постнеклассической психологии // Актуальные проблемы психологии Байкальской Азии в условиях трансграничья: колл. монография / Науч.ред. Р.Д. Санжаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ГУ. 2012. – С. 5-19.

11. Серый А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 272 с.

12. Серый А.В., Яницкий М.С., Авилов Г.М. Особенности ценностно-смысловой сферы представителей русского этноса в зависимости от профессиональной принадлежности // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Р.Д. Санжаевой. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. – Т. 1. – 304 с.

13. Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного Детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. – 2011. – № 1 (26). – С. 45-55.

14. Яницкий М.С. Ценностное измерение массового сознания. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2012. – 227 с.

УДК 159.9.075 ББК 88.58

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭВЕНКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)¹

© Егорова А.И.

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

В статье представлены результаты исследования особенностей этнической идентичности представителей эвенкийского этноса, проживающих в Республике Саха (Якутия). В ходе эмпирического исследования обнаружено, что у представителей эвенкийского этноса преобладает

¹ Работа выполнена на средства Госзаказа Республики Саха (Якутия) № 1174 от 06.09.2011.

два типа идентичности: позитивная этническая идентичность и этническая индифферентность.

Ключевые слова: эвенки, этническая идентичность, позитивная этническая идентичность, этническая индифферентность.

Возрождение и сохранение этнической идентичности и этнического самосознания малочисленных народов является одной из важных задач современного общества. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования специфики этнического самосознания и идентичности личности у народов северо-востока России. Теоретические аспекты исследования этнической идентичности представлены в работах Г.В. Старовойтовой [1], Л.М. Дробижевой [2], В.А. Тишкова [3], Т.Г. Стефаненко [4] и др.

Теоретические исследования рассматривают этническую идентичность как форму групповой идентичности, зависящую от культурного разнообразия. Этничность рассматривается, прежде всего, как то, что относится к осознанию культуры, использованию ее как ресурса, и в то же время как то, что является частью культуры [3, с. 118].

Целью нашего исследования было изучение особенностей этнической идентичности эвенков, проживающих на территории Республики Саха (Якутия).

Эвенки (тунгусы) – сибирский малочисленный коренной народ. Живут в России, Китае и Монголии. По итогам переписи 2010 года, в Республике Саха (Якутия) проживали 21 008 эвенков. Эндонимом – *тунгусы*, экзоэтноним – *эвэнк, эвэн, эвэнкил, ороchon, илэ, мата, килэн* и др. В XIX-XX вв. эвенки были известны как тунгусы.

У эвенков сложилась система правил поведения в жизни – *иты / ити* (буквально «традиция», «заповедь», «обычай», «порядок», «строй жизни», «закон»), которые оставил творец мира *Сэвэки* [4]. Основу традиций *иты* составляет перечень основных принципов / заповедей, которыми необходимо руководствоваться в жизни. Среди них: «все, что дает небо *буга*, не жалей для людей, соблюдай обычай нимат», «плохое сказанное тобой слово к тебе по-твоему же следу вернется» и др. [5, с. 57-58].

Кроме этих «универсальных» правил поведения общего характера у эвенков есть система запретов, которые регламентируют конкретные сферы жизнедеятельности. Они называются *одё / одёкит* (с эвенк., букв. «охрана», «запрет», «табу», «грех»), *оджя / оджавки* (с эвенк. – «беречь, хранить», «соблюдать запреты, обычай, табу», «жалеть, любить, уважать») [6, с. 97].

Тунгусы суеверны, молчаливы, не любят никакой ненужной болтовни, считают ее величайшим позором, подозрительны и упрямы. Неласковый

взгляд приводит их в раздражение. Они гостеприимны, не экономны, мало заботятся о завтрашнем дне [1, с. 81-82].

Жадность здесь понимается как отход от принципа «достаточности», свойственного в прошлом всей тунгусской «бродячей» культуре (и типологически сходным другим северным культурам). Исследования, проведенные с помощью социологических методов, показали, что «страсть к наживе» до сих пор занимает одно из ведущих мест в шкале факторов, вызывающих неприятие у современного аборигенного населения Севера России всех возрастных категорий [цит. по: 2].

Свод таежных законов стал этикой поведения, действенным руководством в повседневной жизни. На основе этих правил и норм сформировались особенности психологии тунгуса-охотника, которые хорошо подметил Е.И. Титов: «... Тунгус – честный фаталист. Скорее он согласится ничего не добыть, чем выгащить соболя из чужого капкана. ... Лучше медленно ходить своей тропой, чем бежать рысью по дороге, которая не тебе принадлежит. Скорый на зависть торопит свою погибель» [4, с. 297].

Родители в воспитании своих детей не строги, не резки, не требовательны, и дети никакого почтения к родителям не проявляют. Мальчики с ранних лет обучаются стрельбе из лука, а девочки – шитью и починке одежды. Когда мальчик достиг того возраста, когда может ходить на охоту вместе со взрослыми, он получает от своего отца оленей и они остаются на всю жизнь его собственностью [1, с. 81-82].

Вот как описывает характер и нравы эвенков А. Миддендорф, один из первых исследователей Сибири, «Хотя они были очень услужливы, но, несмотря на скромность, всем видно было, что они сознавали свое достоинство» [8, с. 701]. «Тунгус, который в своей первобытности, главным образом, хлебосол, любитель удовольствий и ветренник» [8, с. 704].

В этносоциологическом исследовании особенностей этнической идентичности эвенков Хабаровского и Приморского края В.А. Тураева отмечается, что не просматривается конфликта гражданской (государственной) и этнической идентичности. Всплеск этнической идентичности, фиксируемый в последние годы у многих российских народов, не характерен для большинства эвенков. Процесс разгосударствления сознания человека, отмеченный исследователями в других регионах страны и у других народов, особенно титульных, затронул эвенков в меньшей степени. Этническое самоопределение они дают себе гораздо реже, чем называют себя гражданами России. Заметно уступая другим видам идентичности, этническая принадлежность, однако, не потеряла для эвенков своей значимости. Симптоматично, что во

всех сёлах доля тех, для кого национальность не имеет значения, примерно соответствуют доле смешанных в этническом отношении семей. Для них характерен амбивалентный тип этнической идентичности, присущий обычно этнически смешанной среде [5].

По результатам пилотажного исследования эвенков Усть-Майского, Оленекского районов, г. Якутска, Республики Саха (Якутия) Э. Васильевой (1996) было установлено, что среди эвенков распространено такое явление, как ассимиляция. В случае ассимиляции изменения индивида максимальны, индивид не считает важным поддерживать свою культурную идентичность, при этом старается раствориться в новой для него культуре. Среди некоторой части группы эвенков имеет место этническая маргинальность, присутствует истощение факторов этнической идентификации. Главным фактором этнической идентификации является самосознание, фиксированное в самоназвании (этнониме). Эвенки Республики Саха (Якутия) переживают кризис этнической идентичности, вызванный истощением этнических факторов и этнической маргинальностью [17].

Объектом эмпирического исследования были эвенки, проживающие на территории Республики Саха (Якутия) возрасте от 18 до 35 лет. Всего было обследовано 72 респондента-эвенков (32 мужчины и 40 женщин).

В эмпирическом исследовании были использованы шкала исследования этнической идентичности О.Л. Романовой, шкала «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и др.

Таблица 1

**Результаты исследования эвенков по методике
О.Л. Романовой (средние значения)**

Шкалы	Мужчины (n = 32)	Женщины (n = 40)	Все эвенки (n = 72)
Шкала 1. Чувство принадлежности к своей этнической группе	3,86	4,28	4,07
Шкала 2. Значимость национальности	6,01	5,11	5,56
Шкала 3. Взаимоотношения этнического большинства и меньшинства	2,48	5,93	4,21
Шкала 4. Использование того или иного языка	1,64	2,64	2,14

По методике исследования этнической идентичности О.Л. Романовой по шкале 1 «Чувство принадлежности к своей этнической группе» в обеих группах испытуемых обнаружен тип «Гипоидентичность». По шкале 2 «Значимость национальности» в обеих группах испытуемых обнаружен тип «Нормальная значимость». По шкале 3 «Взаимоотношения этнического большинства и меньшинства» женщины считают, что в отношениях этниче-

ского большинства и меньшинства должно быть равенство, а мужчины полагают, что этническое большинство не должно иметь никаких преимуществ. По шкале 4 «Использование того или иного языка» получены средние результаты (см. таблицу 1).

По методике «Типы этнической идентичности» по всей выборке эвенков первый ранг занимает позитивная этническая идентичность (норма), второй ранг – этническая индифферентность и третий ранг – этнофанатизм. По всем шкалам получены средние оценки, а по шкале позитивная этническая идентичность – высокие оценки, у женщин также обнаружены высокие оценки по шкале «Этническая индифферентность». По шкалам «Этноизоляция», «Этнологиализм» и «Этноэгоизм» у мужчин обнаружены низкие оценки (см. табл. 2).

Таблица 2

**Результаты исследования эвенков по методике
«Типы этнической идентичности» (ср. значения)**

Типы этнической идентичности	Мужчины (n = 32)	Женщины (n = 40)	Все эвенки (n = 72)	Ранг
1) Этнологиализм	6,2	7,54	6,84	5
2) Этническая индифферентность	11,64	12,21	12,09	2
3) Норма (позитивная этническая идентичность)	15,6	14,65	15,12	1
4) Этноэгоизм	6,22	6,91	6,57	6
5) Этноизоляция	7,06	7,86	7,4	4
6) Этнофанатизм	8,58	10,31	9,41	3

Этническая идентичность малочисленных народов складывается из традиционных видов деятельности, особенностей отношения к ландшафту, трудовых стереотипов, специфики межкультурных взаимодействий, языковых и ассимиляционных процессов. К сожалению, родной язык для большинства малочисленных народов утратил значение признака, определяющего национальные стандарты. Особенно сильно подверглись этому процессу эвенки, по данным Всероссийской переписи (2010) лишь 6,4 % эвенков считает родным свой язык, а говорят на эвенкийском языке лишь 5,66 %.

Большинство эвенков (81 %) считают родным якутский язык, что свидетельствует об их большей ассимиляции с якутским этносом. Вероятно, этот факт сказался и на проявлении гиподентичности данной группы.

Таким образом, у представителей малочисленных народов в целом преобладает позитивная этническая идентичность. У отдельных представителей этноса встречается этническая индифферентность и этнофанатизм. Наблюдающийся рост этнической индифферентности проявляется в размыва-

нии и неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности, в отсутствии эмоционально-чувственных ощущений принадлежности к определенной этнической группе, что, вероятно, свидетельствует о кризисе идентичности.

Список литературы:

1. Старовойтова Г.В. К исследованию этнопсихологии городских жителей // Сов. этнография. – 1976. – № 3. – С. 45.
2. Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробужева. – М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. – 268 с.
3. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003.
4. Трансформация идентификационных структур в современной России / Под ред. Т.Г. Стефаненко. – М., 2001.
5. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (18 – нач. 20 века). – Л., 1969.
6. Тураев В.А. Дальневосточные эвенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. – Владивосток: Дальнаука, 2008.
7. Бурыкин А.А. Малые жанры эвенского фольклора. Исследования и тексты. – СПб., 2001.
8. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). – Магадан, 1983.
9. Сирина А.А. Чувствующие землю: экологическая этика эвенков и эвенов // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 2. – С. 121-138.
10. Миддендорф А.И. Путешествие на север и восток Сибири А. Миддендорфа. Ч. 2. – СПб., 1878.
11. Васильева Э. Сравнительный анализ результатов исследования групп эвенков, якутов и русских (рук. отчета). – Якутск, 1996.

Секция 2

ЭТНОС. КУЛЬТУРА. БИЗНЕС

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПЕДАГОГОВ

© Гунзунова Б.А.

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ

В статье утверждается этнопсихологическая значимость рассмотрения профессионального стресса, формирующейся у различных групп педагогов в качестве психологического механизма саморегуляции. Основной целью работы являлось изучение проблемы этнических особенностей саморегуляции эмоциональных состояний педагогов, сопоставление данных, позволяющих оценивать структурные составляющие саморегуляции и профессионального стресса у различных групп педагогов (педагогов-бурят и педагогов-русских) г. Улан-Удэ. Установлено, что существуют этнопсихологические различия в проявлении профессионального стресса с различным уровнем развития осознанной саморегуляции у педагогических работников.

Ключевые слова: саморегуляция, профессиональный стресс, структурные компоненты саморегуляции, этнопсихологический фактор, культурные различия, группы педагогов.

Внимание к проблемам профессионального развития учителя обусловлено полифункциональностью самой педагогической деятельности, противоречиями и трудностями ее реализации в современной России, социальными потребностями в развитии педагогического профессионализма и демократичностью педагогической профессии. Самая массовая профессия требует наиболее высокого уровня подготовки специалистов, особенно в наше время, когда актуализируются социальные ожидания в отношении образования, рассматриваемого в качестве одного из ведущих факторов развития общества. От современного учителя требуется высокий уровень саморегуляции, который служит, с одной стороны, важным компонентом его педагогической культуры, а с другой – условием профессионально-нравственного саморазвития и самосовершенствования. Поэтому столь актуальна проблема формирования готовности учителя к управлению эмоциональным состоянием [1; 2].

В данных условиях наше исследование, направленное на изучение проблемы этнических особенностей саморегуляции эмоциональных состояний

педагогов может стать полезным инструментом в мониторинге и анализе различных вопросов профессиональной деятельности педагогов, нахождения проблемных зон, требующей соответствующей коррекции.

В данном исследовании мы искали ответ на вопрос, существуют ли этнопсихологические различия в проявлении профессионального стресса с различным уровнем развития осознанной саморегуляции у педагогических работников. Для определения регуляторной специфики эмоциональных состояний педагогов были использованы «Шкала профессионального стресса» А. Маклина в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой и опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой, поскольку основной задачей являлось изучение соотношения стрессового состояния и индивидуальной саморегуляции произвольной активности педагогических работников. В исследовании участвовало 350 педагогов общеобразовательных школ г. Улан-Удэ. Сравнительный анализ проводился у педагогических работников по этнической принадлежности: 41,6 % – бурят и 58,4 % – русских. Для статистической обработки данных были использованы критерий – U Вилкоксона-Манна-Уитни и коэффициент корреляции Пирсона.

Выявление межнациональных различий в саморегуляции педагогов представляет особый интерес. Сравнительный анализ результатов показал наличие кросс-культурных различий в саморегуляции стрессовых состояний педагогов. Сравнительное сопоставление группы педагогов-бурят с анализируемыми категориями педагогических работников-русских показало наличие достоверных различий. При сопоставлении профессионального стресса в сравниваемых группах был выявлен ряд различий. Посредством расчета непараметрического критерия – U Вилкоксона-Манна-Уитни был осуществлен попарный сравнительный анализ уровня сформированности показателей в двух группах. Сравнение результатов показывает достоверные различия в выраженности стресса в профессиональной деятельности ($p < 0,001$), при более высоких средних показателях по данной шкале в группе педагогов-русских. Результаты статистического анализа указывают на статистически значимое уменьшение показателей профессионального стресса в группе педагогов-бурят. Результаты измерений индивидуальных стилей саморегуляции по критерию – U Вилкоксона-Манна-Уитни представлены в таблице 1.

Сравнительный анализ результатов показал, что данные в сторону увеличения профессионального стресса в группе педагогов-бурят достоверно выше, чем в группе педагогов-русских. В частности, средний ранг в группе педагогов-русских составил 132,81, $p < 0,001$. В группе педагогов-бурят

средний ранг составил 68,19, что говорит об отсутствии выраженных признаков стресса в профессиональной деятельности.

Таблица 1

**Показатели профессионального стресса
в эмпирической и сравнительной группах**

Шкала	Группа педагогов-русских	Группа педагогов-бурят	Mann-Whitney U	Wilcoxon W	Z	Sig.*
Профессиональный стресс	132,81	68,19	1769,000	6819,000	-7,898	0,001

Примечание: *Sig – уровень значимости.

Результаты исследования зависимости степени выраженности шкал саморегуляции от фактора профессионального стресса в изучаемых группах выявил существенные различия (табл. 2).

Таблица 2

**Корреляционные взаимосвязи показателей
профессионального стресса и шкал саморегуляции
в эмпирической и сравнительной группах**

Профессиональный стресс / Шкалы саморегуляции	Пл	М	Г	П	Оу*
Группа педагогов-бурят	-0,406**	-	-0,275**	-	-0,321**
Группа педагогов-русских	-	0,288*	-	-0,222*	-

Примечание: *Пл – Планирование целей деятельности; М – Моделирование значимых условий; П – программирование; Г – Гибкость; Оу – Общий уровень саморегуляции; ** $p < 0,01$, * $p < 0,05$.

Выявлены статистически значимые обратные корреляционные связи организационного стресса со шкалами «Планирования» ($r = -0,406$, $p < 0,01$), «гибкости» ($r = -0,275$, $p < 0,01$) и «Общего уровня саморегуляции» ($r = -0,321$, $p < 0,01$) в группе педагогов-бурят. Выявленные взаимосвязи по шкале «Планирования» вполне объяснимы: как правило, люди, имеющие высокую потребность в осознанном планировании, стремятся к соблюдению норм и правил общества, обладают развитым самоконтролем. Высокая способность перестраивать систему саморегуляции (гибкость) отмечается у эмоционально уравновешенных педагогов. Вероятно, именно данные характеристики позволяют педагогам чувствовать себя уверенно в динамичных условиях.

Сравнительная группа, включающая группу педагогов-русских характеризуется высокими показателями по шкале «Моделирование» ($r = 0,288$, $p < 0,05$). Значимые условия для достижения целей выделяют эмоционально уравновешенные с выраженным самоконтролем специалисты, ценящие достижения. Потребность продумывать свои способы действий для достижения намеченных целей (шкала «Программирования» – $r = -0,222$, $p < 0,05$) взаимосвязана со стремлением соблюдать нормы и правила, а адекватность оценки себя и результатов деятельности взаимосвязана с высокой стрессоустойчивостью, отражающая довольно высокую степень влияния фактора этнической принадлежности.

Таким образом, разрабатываемая в настоящее время общая теория и практика профессионального стресса не может ограничиться лишь систематизацией стрессоров, выявлением специфики их воздействия на физическое и психическое здоровье человека, а также совершенствованием методических возможностей регистрации стрессового состояния. Предметом особой заботы исследователей должен стать поиск соответствующих решений по обеспечению защищенности работников от негативного воздействия стрессогенных факторов в их профессиональной деятельности в зависимости от этнопсихологического фактора. Для достижения этой цели предлагается использовать следующие методы профилактики профессионального стресса [3; 4]: обучение навыкам самоконтроля и саморегуляции; освоение приемов и техник релаксации; обучение широкому спектру стратегий адаптации и преодоления стресса (копинг-стратегий); внедрение систем эффективной организации рабочего времени (тайм-менеджмент); обучение навыкам управления конфликтными ситуациями; овладение навыками эффективного общения; формирование навыков позитивного мышления.

Список литературы:

1. Гунзунова Б.А. Детерминанты профессионального стресса у педагогов-руководителей // *European social journal*. – 2015. – № 7. – С. 302-307.
2. Картрайт С., Купер К.Л. Стресс на рабочем месте / пер. с англ. – Изд-во Гуманитарный Центр, 2004.
3. Леонова А.Б. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // *Психологический журнал*. – 2004. – Т. 25, № 2. – С. 75-85.
4. Психология профессионального здоровья. Учебное пособие / Под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Речь, 2006.

ПСИХОГРАММА БУДУЩЕГО СЛЕДОВАТЕЛЯ

© Манкетова Ю.А., Санжаева Р.Д.

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

В работе рассматривается психограмма, как часть профессиограммы студентов юридического факультета Бурятского госуниверситета, как будущего следователя в системе Следственного комитета, с учетом их этнопсихологических особенностей. Представлены результаты исследования ценностных ориентаций в зависимости от типа личности студентов-бурят.

Ключевые слова: юридическая психология, профессия следователя, профессиограмма, психограмма, компетентность, ответственность.

Следственный комитет не входит ни в структуру какого-либо органа государственной власти, ни в какую-либо из ветвей государственной власти. Исходя из этого, следственная работа относится к тем видам деятельности, где профессиональный успех и достижения находятся в прямой зависимости от общего высокого уровня развития личности и его специальных способностей. Организационное поведение и управление персоналом в наше время стало возможным за счет изучения структуры и особенностей каждой профессиональной сферы деятельности. Наиболее важную роль здесь играет построение профессиограммы – описательно-технологической характеристики профессиональной деятельности, сделанной по определенной схеме и для решения определенных задач.

Важным понятием в психологии труда является психограмма, трактуемая как выделение и описание особенностей человека, необходимых для успешного выполнения определенной трудовой деятельности. Данные свойства называются профессионально важными качествами (ПВК).

На основании целей и задач, для решения которых предназначены те или иные описательные системы профессий, Е.М. Иванова выделяет следующие типы профессиограмм:

- информационные (предназначены для использования в профконсультационной и профориентационной работе с целью информирования клиентов о профессиях, которые вызвали у них интерес);

- ориентировочно-диагностические (используются для выявления причин сбоев, аварий, низкой эффективности труда и организуются на основе сопоставления реальной работы данного человека или рабочей группы с требуемыми – эффективными – образцами организации трудовой деятельности);
- конструктивные (применяются для совершенствования эргатической системы, на основе проектирования новых образцов техники, а также подготовки и организации труда персонала);
- методические (направлены на рефлексию и последующую организацию труда самого специалиста, составляющего профессиографическое описание конкретной работы);
- диагностические, целью которых является подбор методик для профотбора, расстановки и переподготовки кадров (например, организация работы по схеме составления аналитической профессиограммы, где сначала исследуется профессия на нормативно-описательном, технологическом и «бюрократическом» уровнях, а затем все это переводится на язык, необходимый для успешной работы ПВК, для которых и подбираются соответствующие психодиагностические методики) [3].

Структура профессиограммы выглядит следующим образом: точный адрес, т.е. конкретная профессия, включающая определенный спектр специальностей, различающихся по специфике предмета труда или объекту воздействия; объем умений, знаний и навыков, требуемых для подготовки или переподготовки персонала. Содержательная сторона включает: требования и условия, предъявляемые к профессиональной подготовке; содержание подготовки по конкретной специальности; характеристики и свойства, отражающие профессиональную, нравственную и познавательную направленность каждой личности; состав и объем профессиональной подготовки; психофизиологические противопоказания и требования к профессии. Профессиограмма позволяет отражать психофизиологические и личностные особенности, препятствующие осуществлению профессиональной деятельности; профессиональные вредности – конфликты с сотрудниками, постоянное напряжение, однообразие деятельности и все то, что может стать причиной профессиональной деформации сотрудника; возможность повышения квалификации или переквалификации, если этого требует профессиональная деятельность; моральные стимулы труда, оказывающие мотивирующее воздействие на специалиста; учебные профессиональные заведения, осуществляющие подготовку конкретной специальности.

Следователь должен обладать определенными (специальными) индивидуально-психологическими свойствами личности, которые делают его пригодным к данной деятельности. Специальными способностями, например, конструктивными, обладают люди с хорошей памятью, умом, мышлением, хорошо развитым воображением, интуицией; организаторскими – люди, которые могут организовать большое количество людей, задействованных в различных следственных действиях; коммуникативными – следователи, которые выстраивают правильные взаимоотношения с другими лицами, устанавливают с ними психологический контакт для получения необходимой информации и для дальнейшей работы и т.д.

Профессионально важные качества будущего следователя во многом зависят от ценностных ориентаций личности студента. Нами был использован тест Р. Инглхарта в модификации М.С. Яницкого. Предложенная методика позволяет выявить ориентацию на ценности адаптации (выживание и безопасность), социализации (социальное одобрение) или индивидуализации (независимость и саморазвитие). Методика основана на выборе респондентами наиболее важных ценностей предлагаемого списка, включающего индикаторы ориентации на три группы ценностей.

Таблица 1

Типы ценностных детерминант студентов-юристов (в %)

Ценностный тип	1 группа (2 курс)	2 группа (4 курс)
Адаптирующийся	30,0	9,2
Социализирующийся	20,0	25,1
Индивидуализирующийся	-	2,0
Промежуточный	10,0	3,7

В первой группе студентов детерминируют ценности адаптации, социализации, обусловленные на интеграцию в обществе, достижении определенного социального статуса. Во второй группе доминируют ценности социализации, они уже имеют достаточный опыт проживания в социальных институтах. Необходимо выделить низкий показатель по индивидуализирующемуся типу ценностных детерминант студентов младших и старших курсов, который можно объяснить их этнопсихологическими особенностями как представителей традиционной культуры бурят, ориентированных на ценности коллектива, группы, этноса.

Одно из первых исследований профессиограммы следователя провел В.Л. Васильев, представив ее как психологический портрет. Он основан на данных, полученных путем психологических методов изучения деятельно-

сти следователя. Такие психограммы ориентируют учебные заведения на определенный уровень подготовки юридических кадров и специалистов, способствуют диагностике профессиональной подготовки юристов, которые работают в разных структурах правоохранительных органов. Психограмма следователя состоит из нескольких составляющих, которые последовательно включают в себя определенные стороны его деятельности. К ним можно отнести: 1) коммуникативную деятельность следователя (общительность, эмоциональную устойчивость, умение слушать человека и умение говорить с ним); 2) поисковую деятельность (наблюдательность, любознательность); 3) удостоверительную деятельность следователя (пунктуальность, аккуратность и т.д.); 4) реконструктивную деятельность следователя (память, мышление, воображение, интеллект и др.); 5) организационную деятельность (организаторские способности в работе с людьми, самоорганизованность и собранность, целеустремленность, настойчивость и т.д.; 6) социальную деятельность (честность, гуманность, принципиальность, профессиональная этика) [1, с. 68].

Перед следователем разворачиваются все стороны человеческой природы, чаще всего, в самых нелицеприятных проявлениях. Но желание правосудия, острота борьбы, творчество, пылливость ума, социальное признание, благородство профессии в комплексе мотивируют людей при выборе профессии следователя. Степень соответствия реально сформированной системы профессионально значимых качеств личности эталонным моделям может быть интерпретирована как мера психологической готовности или уровень профессионализма, мастерства специалиста в деятельности.

При профессиографическом принципе построения моделей специалиста психологическая готовность выступает как комплекс фенотипических свойств, доступных внешнему наблюдению и выделяемых обычно экспертным путем. Степень их соответствия требованиям определенной деятельности обуславливает ее продуктивность и успешность. При персонологическом принципе построения моделей специалиста психологическая готовность выступает как сформированная в процессе обучения и опыта работы целостная структура различных генотипических свойств личности, специфичность которой и определяет успешность человека в конкретном виде профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Васильев В.Л. Психологическая культура прокурорски-следственной деятельности. – СПб., 1998. – 153 с.

2. Дружественное к ребенку правосудие и проблемы ювенальной уголовной политики // Материалы III междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ГУ, 2014. – 324 с.
3. Иванова Е.М. Психология профессиональной деятельности. – М.: ПЕРСЭ, 2011. – 335 с.
4. Манкетова Ю.А., Санжаева Р.Д. Психологические особенности личности следователя // Вестник Бурятского госуниверситета. – Улан-Удэ, 2015. – С. 57-63.
5. Санжаева Р.Д., Дагбаева С.Б. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. – 186 с.

УДК 152.32 ББК 88.58

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДКОЛЛЕДЖА

© Басхаева И.И.

Центр дополнительного образования «Эдельвейс», г. Улан-Удэ

Каждая этническая группа, развиваясь веками в определенных географических, природно-климатических, социально-экономических условиях, имеет не только своеобразную производственную общность людей, но и присущие только ей быт, миропонимание, мышление. Белинский В.Г. подчеркивал, что «тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи». В статье представлены результаты этнопсихологического исследования «своеобразной общности» – студентов педколледжа по тесту Р. Амтхауэра.

Ключевые слова: этнопсихология, национальный характер, культура, студент, русские, буряты.

Человек постоянно вступает в определенные отношения с окружающей средой, общественные компоненты которой являются результатом жизнедеятельности предшествующих поколений. Сложная система отношений человека со средой формирует в человеке определенные качества и черты, которые в данной среде являются естественными, само собой разумеющимися.

Исследователями давно доказано, что в формировании русской культуры большую роль сыграла русская крестьянская община. Культуролог В.Л. Кургузов в своей монографии «Восток-Россия-Запад» подчеркивает, что детерминантами национального характера являются социокультурные ценности. Он пишет: «по своей природе русский народ – народ-коллективист», «в русской культуре преобладают ценностно-рациональные, а не целерациональные (как на Западе) способы действия, которые не просчитываются заранее, и которые могут причинить вред человеку, совершающему их» [5]. Уточняя понятие национального характера, следует отметить, что это совокупность важнейших способов регулирования деятельности и общения, сложившихся на основании системы ценностей общества, созданного нацией. Хранятся эти ценности в национальном характере народа. Поэтому, чтобы понять национальный характер, необходимо вычленить ее типологические особенности. Мы произвели выборку студентов по этнической принадлежности, где детерминантами являются социокультурные ценности, учитывая микрофакторы, мезофакторы и макрофакторы, влияющие на социализацию личности. Рассмотрим результаты исследования студентов – носителей бурятской и русской культур.

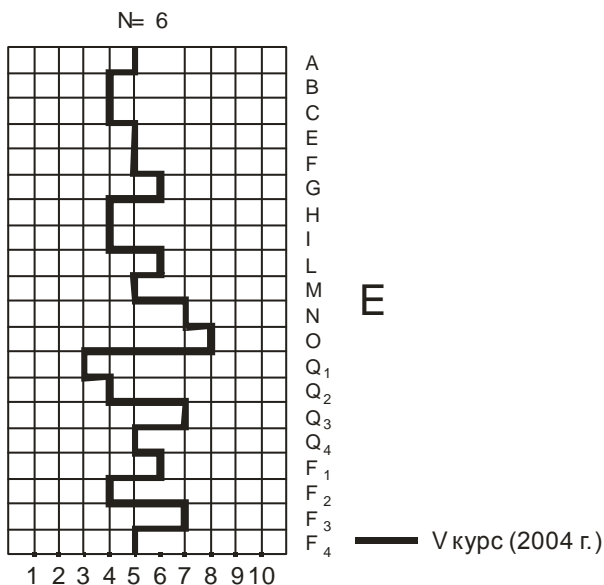

Рис. 1. Групповой профиль студентов – носителей бурятской культуры

На рисунке 1 отражены результаты обследования студентов-бурят, где по 2-му (В) и 13-му факторам (Q_1) имеют низкие оценки. Они указывают на определенную медлительность в процессе обучения, им сложно усваивать новые понятия, все понимают буквально и конкретно, мышление больше интуитивное, нежели логически обоснованное, превалирует консервативность. У испытуемых имеются отличительные особенности по 3-му (С) и 8-му (I) факторам: они чувствительны, эмоционально менее устойчивые, легко расстраиваются, но в то же время сильные и независимые, полагаются на себя, реалистичны, не терпят бессмысленности. 7-й фактор (Н) и дополнительный фактор (F_2) указывает на интровертированность респондентов, робость, застенчивость, сдержанность и скрытность.

Подчеркивая национальные особенности бурят, В.Д. Бабуева в своей книге «Материальная и духовная культура бурят» пишет: «Суровые климатические условия Бурятии повлияли на характер местных жителей. Буряты сдержанны, выносливы и немногословны, не зря бытует пословица: «В душе мужчины может вместиться оседланный конь». Бурятские женщины – это трудолюбивые хозяйки, искусные мастерицы и надежные жены, поэтому говорят: «Дорогу мужчины украшает женщина» [2].

Своеобразен менталитет бурятского этноса: будучи по типу хозяйствования, образу жизни скотоводами, буряты больше «дети природы», чем европейцы. Минимальное причинение вреда животному было устоем их жизни и поведения, причем оно освещалось шаманизмом и буддизмом. Веками складывалась цельная система экологических принципов и традиций гуманного, глубоко нравственного, трепетного отношения к природе, к ее творениям.

Поэтому типологические особенности этносов бурятской культуры отличаются своей консервативностью, ригидностью, устоявшимися традициями, нормами и правилами. Жизнь и воспитание в бурятских семьях протекает в размеренном ритме, наблюдается сдержанность в отношениях, степеньность в поведении и, наконец, это несколько иная ментальность испытуемых – так называемый восточный тип мышления [4, с. 84].

Студенты – носители русской культуры (см. рис. 2) имеют результаты в пределах нормы. По 1-му фактору (А) у испытуемых высокие оценки, что свидетельствует о чуткости, готовности к сотрудничеству, доброте и мягкости, щедрости в личных взаимоотношениях. По 3-му фактору (С) для респондентов характерна эмоциональная устойчивость, активность, зрелость и трезво оценивающих действительность; сознательность, настойчивость, степеньность и обязательность, требовательность к себе, добросовестность.

Однако по 12-му фактору (O) наблюдается склонность к аутопунитивности (обеспокоенности), тревожность, депрессивность, чувство вины. 14-й фактор (Q₂) указывает на особенности национального характера – социальность, ориентированность на групповое мнение, поддержка окружающих и склонность к коллективизму.

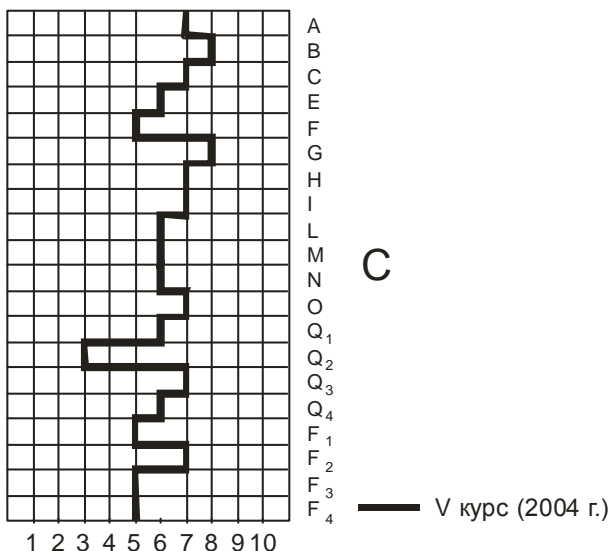

Рис. 2. Групповой профиль студентов – носителей русской культуры

По 15-му фактору (Q₃) испытуемые обладают умением хорошо контролировать свои эмоции и поведение, осознают социальные требования, начатое доводят до конца.

Данные результаты показывают этнические особенности носителей русской и бурятской культур, демонстрируя их взаимосвязь, взаимовлияние и взаимодействие. У них начинает складываться общность материальной и духовной культуры, особый психический склад, обусловленный характером хозяйственной, социальной и политической жизни и выражающийся в поступках, традициях, обрядах, символах, поведенческой культуры в целом [1].

Список литературы:

1. Актуальные проблемы психологии Байкальской Азии в условиях трансграничья: колл. монография / Научный ред. Р.Д. Санжаева. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ. 2012. – 324 с.

2. Бабуева В.Д. Материальная и духовная культура бурят. – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг». 2012. – 324 с.
3. Басхаева И.И. Психологические механизмы готовности студентов педколледжа к профессиональной деятельности: дисс... канд. психол. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 186 с.
4. Дагбаева С.Б., Санжаева Р.Д. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. – 168 с.
5. Кургузов В.Л. Восток-Россия-Запад. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2004. – 224 с.

Секция 3

***ЭТНОС. КОММУНИКАЦИЯ.
ОБЩЕНИЕ***

ФАКТОРЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ

© Гуриева С.Д.¹, Хрусталева Н.С.²

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Статья посвящена освещению проблемы прогнозирования межэтнических конфликтов в современных условиях. Наиболее ярко межэтнические отношения проявляются в конфликтных ситуациях. Для российского общества чрезвычайно важно сохранение стабильности в вопросах поддержания и укрепления мирных интегративных процессов. Соответственно, проблема прогнозирования, понимания основных принципов управления этническими конфликтами решать многоплановую и многофункциональную задачу современного российского общества.

Ключевые слова: этнические конфликты, прогнозирование, профилактика, управление.

Изучение межэтнических отношений продолжает оставаться одной из актуальных проблем современного общества. Путин В.В., выступая с ежегодным посланием Федеральному собранию сказал, что для современной России важнейшая тема – это межэтнические отношения. «Здесь фокусируются многие наши проблемы, многие трудности социально-экономического и территориального развития, и коррупции, и изъянов в работе государственных институтов, и, конечно же, провалы в образовательной и культурной политике» (Москва, РИА Новости, 2012).

Наиболее ярко межэтнические отношения проявляются в конфликтных ситуациях. Соответственно, межэтнические отношения необходимо изучать не только как конструкт, который должен быть подвержен научному анализу, но, прежде всего, полученные знания должны быть значимы с прикладной точки зрения для стабильного функционирования и развития современного российского общества. Изучение данного направления в российском обществе представляется значимым в контексте реализации Стратегии го-

¹ Светлана Дзахотовна Гуриева, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой Социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

² Нелли Сергеевна Хрусталева, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой Кризисных и экстремальных ситуаций Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

сударственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, одной из целей которой является сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений.

Понимая межэтнические отношения как открытую, динамичную и целостную систему связей индивидуумов, этнических групп, этнических общностей нами была разработана содержательная модель межэтнических отношений (по типу модель Исикавы), основные компоненты которой (фазы, этапы, стадии, уровни, формы, типы, факторы) взаимосвязаны, ни один из которых не является доминирующим, но в целом, составляющие компоненты оказывают значительное влияние на характер и динамику межэтнических отношений (рис. 1).

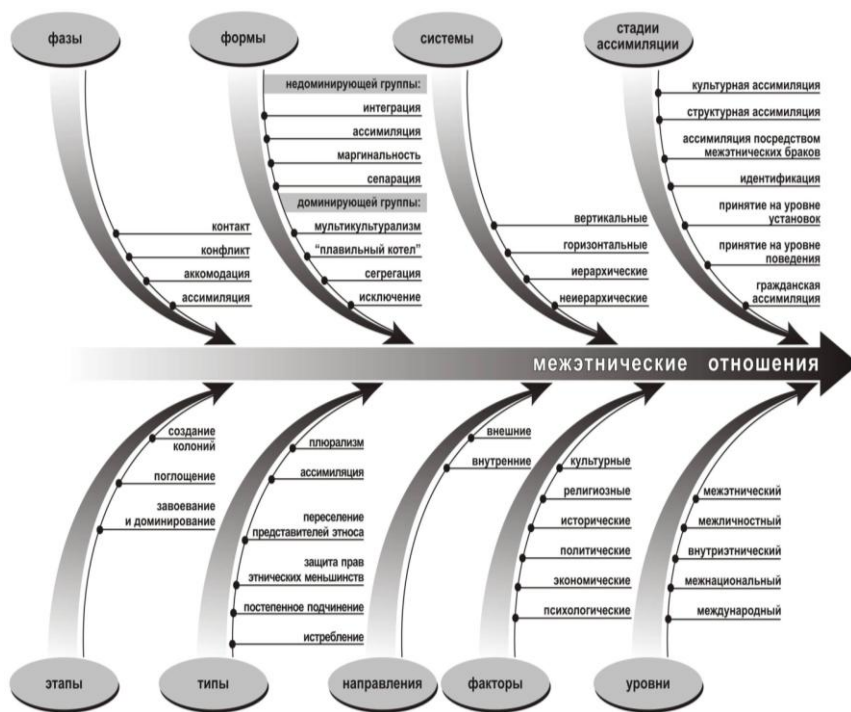

Рис. 1. Модель «межэтнические отношения»

Изучая межэтнические отношения, их следует рассматривать в следующих направлениях, освещая такие вопросы как: в каких формах прояв-

ляются межэтнические отношения на определенных этапах, стадиях своего развития; какова роль и значение этнических конфликтов в динамике их развития.

Проведя аналитический обзор научной литературы по теме изучения причин возникновения этнических конфликтов, а также поиска факторов их прогнозирующих, нами разработана таблица «Факторы, влияющие на остроту протекания этнического конфликта», в которую включены критерии, используемые различными исследователями (отечественными и зарубежными) при классификации этнических конфликтов. Мы постарались проанализировать, и, конечно, систематизировать все упоминаемые критерии, факторы, которые возникали в попытке поляризации позиций, интересов, ценностей, целей участвующих в конфликте сторон.

Важно отметить, что предложенная таблица выполняет несколько функций: во-первых, является систематизация научного материала; во-вторых, выполняет функцию визуализации, наглядной подачи обработанной информации. Две части, составляющие графу «Характеристики», отражают содержательную особенность, которая связана со степенью остроты конфликта.

Считаем необходимым заметить, что многосторонние и затяжные конфликты с рецидивами повторения в истории взаимоотношений между сторонами осложняют процесс урегулирования и поиска взаимоприемлемого для обеих сторон решения. Этнические конфликты несанкционированные, с человеческими жертвами, в которых участвуют вооруженные бандформирования, привлекается третья сторона, характеризуются высоким уровнем нетерпимости, религиозности, «ослепляющим» чувством «отомстить».

Также важно подчеркнуть, что некорректно освещаемые или закрытые к освещению в СМИ этнические конфликты представляют собой наиболее тяжелую форму протекания и, соответственно, наибольшие сложности в процессе урегулирования.

Многофункциональность таблицы заключается также в том, что, работая с материалом, представленным в ней, можно диагностировать этнический конфликт по уровню сложности на всех этапах его возникновения и протекания. Неравномерность представленности данных в двух разделах, с преобладанием одного из факторов («смягчающих» или «отягощающих»), поможет сориентироваться как в самом конфликте, так и в его основных структурных составляющих [6].

Таблица 1

Факторы, влияющие на остроту протекания этнического конфликта

Факторы	Характеристики	
	«Смягчающие»	«Отягчающие»
Количество сторон	Двусторонние	Многосторонние
Форма взаимодействия	Межличностные	Межгрупповые
География охвата	Местные	Глобальные
Время протекания	Краткосрочные	Затяжные
Частота возникновения	Первичные	Рецидивы
Виды	Продуктивные	Деструктивные
Уровень агрессивности	Невооруженные	Вооруженные
Механизм проявления	Внутренний	Внешний
Предмет конфликта	Интересы	Ценности
Уровень разрушения	Борьба	Война
Человеческие жертвы	Без человеческих жертв	С человеческими жертвами
Уровень регулирования	Санкционированные	Несанкционированные
«Шлейф» истории	Не отягощены историей	Тяжелый исторический «след»
Уровень регулирования отношений	Агонистический (примиримый)	Антагонистический (непримиримый)
Форма проявления	Самостоятельный	Инструментальный
Влияние на социально-политическую структуру общества	Не структурные	Структурные
Уровень религиозности	Низкий	Высокий
Схожесть религий	Одна религия	Разные конфессии
Уровень экономического благосостояния	«Бедные»	«Богатые»
Участие религиозных авторитетов	Без личного участия	Активное участие
Миграции	Естественные	Вынужденные
Качественные характеристики сторон	Этническое меньшинство	Коренное население, этническое большинство
По осям расположения участников	«Горизонтальные»	«Вертикальные»
Участие посредников, третьей стороны	Без участия посредников	С привлечением посредников, третьей стороны
Участие асоциальных элементов	Без участия	Участие бандформирований, рецидивистов
Социальная дифференциация	Равные социальные статусные позиции в обществе	Неравные социальные позиции в обществе
Наличие победителя	Компромиссное решение	Решение в пользу одной из сторон
Последствия конфликта	Урегулирован	Не урегулирован
Уровень освещенности в СМИ	Освещается независимыми представителями СМИ	Информация для освещения в СМИ закрыта
Борьба за власть	Нет борьбы за государственную власть	Борьба за власть

Окончание таблицы 1

Факторы	Характеристики	
	«Смягчающие»	«Отягощающие»
Различия в применяемых средствах	Политическое давление, экономическая блокада	Вооруженное столкновение, погромы, поджоги и т.д.
Доминирующее чувство	Простить	Отомстить
Участие женщин, детей	Не принимают активного участия	Принимают активное участие
Степень используемого насилия	Низкая интенсивность проявления агрессии (напугать и т.д.)	Высокая интенсивность – открытые военные действия
Степень осознанности	Адекватные	Неадекватные
Степень однородности участников	Гомогенные	Гетерогенные
По итогам для каждой из сторон	«Ненулевая сумма»	«Нулевая сумма»
Подходы к видению конфликта	Умеренный	Жесткий
По характеру целей	Конструктивные	Деструктивные

Доминирование или преобладание «смягчающих» или «отягощающих» факторов наиболее ярко проявляется в «переходный период». Отличительная особенность переходного периода заключается в том, что растет психологическая напряженность между людьми, нарушаются межкультурные коммуникации, трансформируются представления о национально-культурных ценностях, нормах. В сложившейся обстановке проявляются «универсальные признаки», по которым, по мнению R. Gutg, возможно предсказать межэтнические конфликты, начало вооруженной борьбы. Gutg R. отмечает среди «универсальных признаков» такие, как демографический рост, требования государственной автономии, которыми обладала та или иная этническая группа в прошлом, «шлейф» событий, отягощенных историей, развитая инфраструктура, рецидив межэтнических конфликтов. «Универсальные признаки» представлены в виде семи основных факторов, по которым возможно прогнозировать рост межэтнической напряженности:

Фактор 1. Группа, относящаяся к этническим или религиозным меньшинствам, требует большей автономии, чем она имеет в настоящий момент. В подавляющем большинстве случаев эти претензии разрешаются политическими и экономическими методами.

Фактор 2. Риск начала военных действий повышается почти на 60 % в том случае, если меньшинство некогда имело собственную государственность. Не имеет значения, когда и где существовало это государственное образование, каким образом оно было создано, какая форма правления была использована, по каким причинам оно утратило независимость. Еще более

опасно, если утрата независимости произошла в относительно недавнем прошлом.

Фактор 3. Чем выше организованность групп, выступающих за независимость, тем больше шансов, что они начнут вооруженную борьбу. Риск увеличивается на 83 % по сравнению с плохо организованными сепаратистами.

Фактор 4. Чем лучше в регионе, претендующем на самоопределение, обстоит дело с инфраструктурой и информационными технологиями, тем больше шансов, что начнутся боевые действия. Если определенная этническая группа находится в юрисдикции одного государства и проживает на компактной территории, то фактор связи особой роли не играет. Но его значение возрастает многократно, если этническая или религиозная группа «поделена» между двумя или более государствами.

Фактор 5. Чем выше уровень рождаемости в этнической или религиозной группе, тем более она склонна начинать войну за самоопределение. Низкий уровень рождаемости может быть компенсирован притоком большого числа мигрантов и т.д.

Фактор 6. Парадоксально, но чем меньше та или иная этническая или религиозная группа страдала от репрессий и дискриминации со стороны центрального правительства, тем больше шансов, что она начнет вооруженную борьбу. Любопытно, что большинство групп, выступающих за самоопределение, ныне действуют в демократических государствах. Более того, разговоры о независимости начинались лишь после того, как страна меняла форму правления.

Фактор 7. Начало военных действий значительно более вероятно, если некогда представители этой религиозной или этнической группы уже вели подобную борьбу [19].

Урегулирование этнических конфликтов.

Rhiân Williams, например, делает акцент на процедурных и эмоциональных составляющих переговорного процесса. Основное внимание автор уделяет проблеме определения культурного контекста участвующих в переговорах сторон. Необходимо определить также, отмечает автор, чей культурный контекст доминирует в разработке самой процедуры проведения переговоров. Согласно концепции Chris Moore, изложенной в работе «The Mediation Process», люди имеют основные потребности, которые проявляются в процессе коммуникационного обмена. Удовлетворение процедурой проведения, т.к. важно понимание того, что сам процесс является справедливым, чистым, что позволяет высказывать свое мнение, которое не будет

восприниматься предвзятым. Эмоциональное удовлетворение, проявляется в том, что люди должны чувствовать «ОК» как в отношении себя, так и в отношении других участников. Людям необходимо чувствовать, что их внимательно слушали, признавали и уважали их мнение, были терпимы к отличным взглядам, подходам в отношении предмета переговоров.

Область урегулирования этнических конфликтов является сферой научных интересов многих исследователей: [16; 25; 26]. Не обошла их своим вниманием и Beatrix Schmelzle, принимавшая участие в разработке многочисленных резолюций, включая такие как Search for Common Ground – Поиск точек соприкосновения (USA), Seeds of Peace – семена Мира (USA), Public Conversations Project – Проект Общественных переговоров (USA), International Alert – Международная тревога (UK), Vienna Conflict Management Partners – Венские паттерны управления конфликтом (Austria). Ее практические исследования сосредотачиваются на проблеме управления конфликтом и согласованности действий на Ближнем Востоке, на организационных процессах поведения межэтнического и кросс-культурного диалога и их изучения.

Существующие методы, средства и т.д., применяемые в процессе урегулирования этнических конфликтов отличаются своим разнообразием и, порой, неоднозначным их пониманием. Применяемые методы, по мнению профессора John Coakley, не всегда являются разумными и способствующими истинному разрешению конфликтной ситуации. В качестве доказательства своей точки зрения, J. Coakley (2009) приводит типологию известных действий, которые применялись в современных условиях в различных странах, с целью урегулирования конфликтов на этнической почве. Он описывает следующие типы реакций: локализация; аккомодация; ассимиляция; аккультурация; переселение представителей этноса на другую территорию; перемещение границы; геноцид; самоуничтожение нации.

McGarry J. и O'Leary B. (1993) отмечают, что в научной литературе по управлению этническими конфликтами доминируют споры между сторонниками интеграции и аккомодации. Сторонники идеи интеграции предлагают создать модель беспристрастного национального государства как способа управления существующим разнообразием. Другая сторона настаивает на самоуправлении, разделении политической власти между различными этническими и национальными группами. Сторонники аккомодации считают важным признать возможность расширения различий и рекомендуют разнообразный набор инструментов для достижения поставленной цели: многонациональный федерализм, децентрализация в рамках унитарного государства, правовой плюрализм, а также другие формы нетерриториальных

прав меньшинств (языковых меньшинств, религиозных прав, образование), включая законодательные квоты. Интеграционисты предлагают альтернативные стратегии, целью которых является «размыть» и преодолеть существующие разногласия. McGarry J. и O'Leary B. разработали классификацию методов регуляции этнических конфликтов, применяемых в политическом пространстве современного мира. Предложенная авторами модель базируется на доминирующих в современном обществе подходах, разделяемых сторонниками интеграции, с одной стороны, и аккомодации, с другой. Следует признать, что сами авторы часть методов, используемых в урегулировании этнических конфликтов, признают совершенно неприемлемыми с моральной точки зрения.

Современные способы управления межэтническими конфликтами

Среди современных техник, способов, механизмов, направленных на управление межэтническими конфликтами, можно отметить следующие: Search for Common Ground – Поиск точек соприкосновения (USA), Seeds of Peace – семена Мира (USA), Public Conversations Project – Проект Общественных переговоров (USA), International Alert – Международная тревога (UK), Vienna Conflict Management Partners – Венские паттерны управления конфликтом (Austria) и многие другие документы, пакты, декларации и т.д. Рассмотрим некоторые из них.

Принципы разрешения межэтнических конфликтов посредством переговоров. Процесс урегулирования межэтнических конфликтов подразумевает использование целого комплекса разнообразных техник, при этом одной из самых распространенных и эффективных является техника ведения переговоров (J. Burton, F. Dukes, B. Isajiw, W. Ury, McGarry, John, O'Leary, Brendan, P. Kimmel, Rubin). Понятие переговоров, по мнению B. Isajiw [19] представляет собой не только и не столько процесс, направленный на решение какой-либо одной конкретной проблемы во взаимоотношениях, а более всеобъемлющий процесс, направленный на решение целой серии определенных проблем и подразумевающий изменение установок, норм, отношений сторон. Данное понимание переговоров как техники урегулирования конфликтов, согласуется с мнением J. Burton и F. Dukes (1990), различавшим понятия «conflict settlement» (урегулирование конфликта) и «conflict resolution» (разрешение конфликта). Под «conflict settlement», авторы подразумевали достижение рационального или юридического компромисса относительно одной конкретной проблемы. Под «conflict resolution» понималось такое изменение во взаимоотношениях конфликтующих сторон, которое по-

зволяет устранить причины, приведшие к конфликту. В основе предпосылок урегулирования конфликтов лежат восемь потребностей, которые составили базу «теория потребностей человека».

В работах McGarry, John, O'Leary, Brendan развивается мысль о различном понимании составляющих частей этнического конфликта. Авторы отмечают в своей работе, что целесообразно разделять процесс регулирования этнических конфликтов «ethnic conflict regulations» на две основные части: conflict management (конфликт-управление) и conflict termination (конфликт-прекращение), обращая особое внимание на понимании их различий. Данное различие основано на идее о том, что возможно формальное управление различиями между двумя сторонами, с одной стороны, и прекращение этих различий, с другой (McGarry, John & O'Leary, Brendan, 1992).

Конфликт существует тогда, когда деятельность одной из сторон несовместима с деятельностью другой [15]. Конфликт может проявляться от формы разногласий до войны. Конфликты представляют значительную ценность, когда они управляются конструктивно. Поэтому основной вопрос не в том, что возникают этнические конфликты, а в том, как они управляются. Успешное ведение переговоров своей конечной целью подразумевает именно «разрешение конфликта» и предполагает соблюдение определенных правил и использование конкретных техник. Deutsch M. приводит некоторые из таких техник: активное слушание; понимание целей другой стороны; различение нужд и позиций; контроль над агрессией; использование местоимения «Я» чаще чем «Вы» или «Ты»; переформулирование проблем с целью поиска общих для сторон оснований. Deutsch M. обращает внимание на то, что само по себе знание этих техник не является залогом успешного проведения переговоров, для достижения результата необходима постоянная и обширная практика применения данных методик. При условии достаточного мастерства перечисленные техники могут применяться в ситуациях разрешения самых разнообразных конфликтов, в том числе и межэтнических [15].

Roger Fisher, создатель Гарвардского переговорного проекта (The Harvard Negotiation Project –HNP), различает два подхода: the principle-based (позиция) и interest-based (интерес). Подход, ориентированный на интерес, будет включать такие вопросы, как безопасность, уважение, экономическое благосостояние, чувство принадлежности, признание и контроль над своей жизнью, в то время, как подход, ориентированный на позицию будет определяться, как достижение одного из этих вопросов. Успешное разрешение конфликтных ситуаций предполагает соблюдение определенных гуманистических и демократических принципов.

Принцип законной власти государства. Isajiw В., развивая эту идею, приводит два основных принципа, или, по словам автора, «метапринципа», соблюдение которых способствует успешному ведению переговоров и разрешению этнического конфликта: принцип законной власти государства; принцип признания идентичности. Isajiw, в формулировке своего принципа исходит из того факта, что вовлеченное в этнический конфликт население, прежде всего, нуждается в защите, которую может и должно оказать государство посредством применения существующих законов обеспечивающих защиту прав человека. «Если государство не может или не желает защищать своих граждан в ситуации, когда в отношениях между этническими группами наблюдаются явления дискриминации или геноцида, члены данных этнических групп перестают ощущать себя гражданами одного государства» [19, с. 117]. Успешное разрешение этнического конфликта, по мнению автора, возможно в том случае, когда государство демонстрирует жесткую политику, но при этом соблюдает демократические принципы и принцип защиты прав человека и полностью признает за противоборствующей стороной право быть воспринятой всерьез. Процесс переговоров в ситуации этнических конфликтов очень часто, если не всегда, осложняется демонстрацией угроз одной или обеими сторонами. Зачастую подобные угрозы могут быть восприняты государством как проявления терроризма, что приводит к отказу со стороны правительства идти на переговоры с угрожающей стороной. Однако, как отмечает Isajiw, «следует помнить, что чем дольше длится процесс противостояния и чем больше в него вовлекаются террористические группы, тем больше терроризм для них становится образом жизни, и тем труднее становится прийти к выходу из конфликтной ситуации» [19, с. 119]. Следовательно, в ситуации любого этнического конфликта желательно начать переговоры как можно раньше. Это, хотя и не гарантирует положительного выхода из ситуации, однако значительно повышает шансы его достижения.

Государство, кроме роли защитника своих граждан, может выступать как объединяющее начало для входящих в него этнических групп. Вовлечение государственных интересов в процесс переговоров между этническими группами может способствовать осознанию более общей, государственной, идентичности, что, само по себе, уже является фактором, способствующим разрешению конфликта.

Принцип признания идентичности подразумевает возможность общения на равных, признания за каждым участником переговоров его права на уникальность. Основная проблема здесь состоит в том, что в межэтнических отношениях пока еще не находит отражения идея признания уникальности и

взаимоуважения этнических сообществ. Isajiw добавляет еще один, шестой уровень, «который заключается в признании человеческих различий, проистекающих из самой универсальной человеческой природы, и в понимании того, что быть человеком означает в то же время быть отличным от других» [19].

Соблюдение принципа признания идентичности является необходимым условием успешного решения этнических конфликтов. Применение данного принципа требует, во-первых, знания особенностей культуры этнической группы, её истории, культуры, обычаев и религии, осведомленности относительно основных проблем населения и т.п.; а во-вторых, глубокого понимания природы этничности и культуры как социальных и социально-психологических феноменов.

«Reconceptualisation» управления конфликтами (Ahmad Azem Hamad). Ahmad Azem Hamad является сотрудником Центра стратегических исследований в Объединенных Арабских Эмиратах, научные интересы которого включают вопросы урегулирования этнических конфликтов. Автор утверждает, что произошло искажение понимания термина «управление конфликтами». Современное использование данного термина исходит из того, что этнические конфликты неискоренимы вследствие различия ценностей и интересов, являются неразрешимыми, а их изучение ограничивается узкими рамками. Важно, по мнению автора, различать два принципиальных подхода, наметившихся в урегулировании этнических конфликтов: управление конфликтом и прекращение конфликта. Общепринятыми методами в решении конфликтов являются последовательные действия, рассматриваемые как «шаги»: conflict prevention – предотвращение конфликта; conflict settlement – урегулирование конфликта; conflict management управление конфликтом; conflict resolution – разрешение конфликта; conflict transformation – трансформация конфликтов. Управление конфликтом должно быть направлено на ограничение и предотвращение насилия в будущем, поощрение позитивного поведенческого изменения у участников сторон. Основное понимание управления этническими конфликтами, по словам Ahmad Azem Hamad, заключается в том, что оно не должно быть ограничено решением, приостановкой или их завершением. Основные идеи «reconceptualisation» этнических конфликтов заключаются в трех постулатах [11].

Психологическая модель «комплиментарности» (С.Д. Гуриева, 2010)

Модель состоит из разработки последовательных действий, мероприятий, направленных на аккомодацию межэтнической напряженности. По закону действия установки невозможно поменять ее векторную полярную направленность с одного полюса в зону другого, не переведя ее в этап аккомо-

дации, на котором начинается нейтрализация, угасание негативной установки, с последующей возможностью ее корректировки. Логика построения и функционирования психологической модели «комплиментарности» заключается в том, что первостепенной задачей является не вопрос урегулирования и поиска компромисса между двумя сторонами, а постепенный, поэтапный и системный процесс нейтрализации межэтнической напряженности между враждующими сторонами.

Решение обозначенной задачи предполагает разработку социально-психологических методов, приемов, направленных на урегулирование межэтнических конфликтов, но приоритетной задачей мы видим создание и поддержание «психологической модели комплиментарности» между народами, не допуская ни в какой форме и ни на каком этапе развития взаимоотношений негативных межэтнических форм взаимодействия [6; 7].

Межэтнические отношения определяются наличием или отсутствием этнических конфликтов, которые высвечивают все стороны и все аспекты отношений между различными этническими группами. Наиболее ярко межэтнические отношения проявляются в конфликтных ситуациях. В заключении, следует обобщить и структурировать логично вытекающие выводы из содержания представленной нами научной статьи.

1. Типологии этнических конфликтов, представленные в различных направлениях, школах, подходах, отличаются многоплановостью.
2. Объяснительные концепции возникновения этнических конфликтов преимущественно локализируются вокруг понимания конфликта, как заложенного в человеке природой инстинкта к выживанию (D.B. Goetze, P. James, T. Vanhanen, Pierre L. van den Berghe, R. Hisloire, В.Пайх, В.Тhayer и др.).
3. С точки зрения рационально-ориентированных исследователей, (F. Pfetsch, 1994; D. Lake и D.Rothchild, 1996; В. Harff и Т. Gurr, 2004) этнический конфликт порождается ощущением угрозы и небезопасности возникающей у одной этнической группы, когда ей неизвестны намерения другой этнической группы, в ситуации взаимной вражды между ними.
4. Известные современные формы управления конфликтами подразделяются на следующие подэтапы: урегулирование, изменение, разрешение, предотвращение как способ достижения сотрудничества между противоборствующими сторонами. Проблема управления этническими конфликтами является, с одной стороны, актуальной и современной, а с другой стороны, многоплановой и многофункциональной задачей.

Список литературы:

1. Баронин А.С. Этническая психология. – К.: Тандем, 2000. – 264 с.
2. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология: Учебное пособие для студентов ун-тов и пед. вузов / Федер. целевая прогр. «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997-2000 годы». – Ростов н/Д, 2000. – С. 125.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2001. – 464 с.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
5. Губогло М.Н. Мобилизованный лингвизм. – М., 1993.
6. Гуриева С.Д. Психология межэтнических отношений. – СПб.: Изд-во «ВВМ.», 2010. – 278 с.
7. Гуриева С.Д. Межэтнические отношения: теория, концепции, методы. – Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – 328 с.
8. Гуриева С.Д. Межэтнические отношения и конфликт. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 366 с.
9. Конфликтология. Вопросы – ответы: Учебное пособие для вузов / Под ред. В.П. Ратникова. – М., 2004. – С. 122; Райх В. Психология масс и фашизм. – СПб., 1997.
10. Alker, Hayward R., Gurr, Robert Ted, Rupesinghe, Kumar, 2001.
11. Berghe Pierre L. van den The Use of Ethnic Terms in the Peruvian Social Science Literature by E.J. Brill, Leiden Netherlands, 1974. p. 12-24.
12. Dan Smith, Trends and Causes of Armed Conflict, 2004. www.berghof-andbook.net/uploads/download/smith_handbook.pdf.
13. Deutsch, M. The resolution of conflict: Constructive and destructive processes. New Haven, CT: Yale University Press. 1973.
14. Forbes, H.D. Ethnic conflict and the contact hypothesis. New Haven, CT: Yale University Press. 1997. Pp. 81-82.
15. Goetze D., James P. Evolutionary Psychology and the Explanation of Ethnic Phenomena // Evolutionary Psychology № 2, 2004. Pp. 142-159.
16. Gurr T.R. Why Men Rebel. Princeton, NJ, 1970. P. 24.
17. Harff, B. and Gurr, T.R. Ethnic Conflict in World Politics (2 nd edition). Boulder, CO: Westview. 2004.
18. Hislope, R. From Ontology to Analogy: Evolutionary Theories and the Explanation of Ethnic Politics. // James P., Goetze D. (Eds.) Evolutionary Theory and Ethnic Conflict. Westport, Conn.: Greenwood Press. 2000.
19. Isajiw W. Approaches to ethnic conflict resolution: paradigms and principles // International Journal of Intercultural Relations 24, 2000. P. 117-119.

20. James, P., Goetze, D. (Eds.) *Evolutionary Theory and Ethnic Conflict*. Westport, Conn.: Greenwood Press. 2000.

21. Lake, D. A. & Rothchild, D. *Spreading Fear: The Genesis of Transnational ethnic Conflict*. In D. A. Lake and D. Rothchild (Eds.), *The International Spread of Ethnic Conflict*. Princeton: Princeton University Press. 1998.

22. Paul R. Kimmel. *Culture and Conflict*. Part Six. Pp. 625-649. In: *The Handbook of Conflict Resolution/ Theory and Practice*. Second Edition. Ed / M. Deutsch, P. Colerman, E. Marcus. 2006. John Wiley and Sons. Inc.

23. Pettigrew, T.F. Intergroup contact theory. *Annual Review of Psychology*, 49, 65-85. 1998.

24. Pettigrew, T.F. The contact hypothesis revisited. In H. Hewstone & R. Brown (Eds.), *Contact and conflict in intergroup encounters* (pp. 169-195). Oxford, England: Basil Blackwell. 1986.

25. Pfetsch F.R. *Internationale Politik*, Stuttgart, 1994.

26. National Alternative Dispute Resolution Advisory Council, *Issues of Fairness and Justice in 1997*; www.abc.net.au/rn.

27. Fisher Roger and William Ury, *Getting to Yes: Negotiating an Agreement without Giving In*, Second Edition, London, Sydney, Auckland, Bergveit SA, Business Books Limited, 1991.

УДК 159.9.01 ББК 88.5

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДРУЖЕСКИХ ЧУВСТВ У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ¹

© Куликов Л.В., Грива О.В.

Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург
Северо-Западный государственный медицинский университет,
г. Санкт-Петербург

Представлены результаты сравнительного анализа дружеских чувств у тюркоязычных и русскоязычных студентов с использованием эмпирических данных, полученных на выборке студентов медицинского

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-50140.

университета. Обнаружены этнические и половые различия по многим эмоционально-чувственным характеристикам в дружеских отношениях, в переживаниях близости / отдаленности в отношениях. Дистанция в дружеских отношениях у тюркоязычных студентов больше, чем у русскоязычных. У русскоязычных женщин сильнее выражены сближающие чувства: дружелюбие, добросердечие, уверенность в правоте, собственная значимость, гордость за себя, признательность к подруге, уважение, любовь. Эмоциональные характеристики отношения к подруге почти по всем рассмотренным аспектам более близки к полюсу теплоты в отношениях у русскоязычных женщин в сравнении с тюркоязычными. Абсолютные величины показателей негативных чувств у тюркоязычных и русскоязычных студентов невелики.

Ключевые слова: дистанция в межличностных отношениях, чувства, дружеские отношения, эмоциональная близость.

Стремление создавать и поддерживать близкие отношения принято рассматривать как базисную человеческую потребность [1, 9]. Степень близости влияет не только на удовлетворенность межличностными отношениями, но и на переживание субъективного благополучия [7, 10]. Салливан Г.С. был одним из первых, обратившихся к теоретическим аспектам близких отношений. Он отмечал, что потребность в близком общении приобретает особую значимость в возрасте, предшествующем подростковому [11]. В ранних работах, посвященных близким отношениям, наибольшее внимание уделялось самораскрытию как основному пути к близости [1]. До сих пор сохраняет свое значение определение, предложенное S.M. Jourard: самораскрытие – это открытие другому собственного Я [6]. Chaikin A.L. и Derlega V.J. в качестве наиболее важных выделяют такие характеристики самораскрытия как взаимность и соответствие ситуации [3]. Взаимность объясняется с двух точек зрения. По мнению Джуларда, доверие вызывает симпатию к человеку, который его проявляет, и эта симпатия выражается во взаимном доверии. Chaikin и Derlega полагают, что, независимо от симпатии, самораскрытие одного партнера заставляет другого чувствовать некоторое обязательство отплатить тем же [3, 5].

Однако, несмотря на очевидную значимость данного вопроса, проблема глубоких эмоциональных связей изучена недостаточно, большое число задач ожидают своего решения. Так, в зарубежной психологической науке разработано немало количество методик для измерения близости, однако, пока рано говорить о существовании стройной, подкрепленной эмпирическими данными концепции близости. В отечественной психологии катего-

риальный аппарат для описания отношений достаточно развит, но этого нельзя сказать о методическом аппарате для изучения эмоциональных аспектов отношений, определения дистанции в отношениях, выяснения факторов, обуславливающих те или иные стороны отношений.

Обобщая выводы исследователей проблемы близости в отношениях, мы пришли к выводу, что это концепт, включающий в себя несколько измерений [14]. Наиболее часто упоминаются такие аспекты близости как самораскрытие, чувства теплоты и привязанности, взаимная зависимость. Чаще феномен близости изучается в контексте супружеских, любовных, романтических отношений. Дружеские отношения в плане близости менее изучены. Следует заметить, что в качестве центрального компонента близких отношений рассматривается самораскрытие. Доверие как базовый феномен близких отношений привлекает гораздо меньше внимания исследователей. Близость рассматривается в русле двух основных категорий – как отношение и как взаимодействие. В качестве детерминант эмоциональной близости рассматриваются такие личностные образования как самооценка, уровень эмпатии, нейротизм, а также открытость новому опыту.

Целью данного исследования состояла в сравнительном анализе дружеских чувств у тюркоязычных и русскоязычных студентов с использованием эмпирических данных.

Методики и выборка. В исследовании принимали участие русскоязычные и иностранные учащиеся (ФИУ – факультет иностранных учащихся) лечебного факультета Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова (СЗГМУ им. И.И. Мечникова) 1 и 4 курсов (17-25 лет). Для представленного в данном сообщении анализа в качестве респондентов выступили русскоязычные студенты (129 человек) и студенты из стран тюркских языков (78 человек), они оценивали своих друзей (друзей своего пола). В диагностический набор входили: методика «Профиль чувств в отношениях» Л.В. Куликова [13] и методика «Субъективная оценка межличностных отношений» С.В. Духновского [12]. С помощью этой методики межличностные отношения можно описывать по ряду параметров: степень напряженности, конфликтности и агрессивных тенденций в отношениях, дистанции в отношениях.

Результаты эмпирического исследования. Русскоязычные мужчины предпочитают устанавливать дистанцию в отношениях с другом (мужского пола) больше, чем тюркоязычные мужчины. Это видно по интегральному показателю отношений и по числам шкал конфликтности и склонности к агрессии (различия значимы, $p < 0,05$). Абсолютные величины этих показа-

телей невелики, стоит говорить лишь о большей конкурентности в отношениях, попытках контролировать, о готовности открыто заявить о несогласии, противоречиях. Эти особенности более отчетливо выражены у русскоязычных мужчин в сравнении с тюркоязычными. Эмоциональные же характеристики отношения к другу более близки к полюсу теплоты у русскоязычных мужчин. У русскоязычных мужчин больше дружелюбия, более сильны приятные (гедонические) чувства по отношению к другу, в общении с ним в лучшую сторону изменяется чувственный тон настроения, особенно малы по силе отвращение, презрение, ненависть, переживания одиночества. В наибольшей мере это относится к таким чувствам, как бодрость, спокойствие, раскрепощение, интерес (различия значимы, $p < 0,05$). Противоположного свойства сдвиги в чувственном тоне настроения при общении с другом у тюркоязычных мужчин, у многих из них больше выражена скованность, досада, тоска (различия значимы, $p < 0,05$).

Тюркоязычные женщины предпочитают устанавливать дистанцию в отношениях с подругой большую, чем русскоязычные женщины. Это видно по интегральному показателю отношений и по числам шкал напряженности в отношениях, склонности к агрессии, отдаленности (различия значимы, $p < 0,05$). Абсолютные величины этих показателей невелики, стоит говорить лишь о большей конкурентности в отношениях, попытках контролировать, о готовности открыто заявить о несогласии, противоречиях, о недостаточном доверии, понимании. Эмоциональные характеристики отношения к подруге почти по всем рассмотренным аспектам более близки к полюсу теплоты в отношениях у русскоязычных женщин в сравнении с тюркоязычными.

У русскоязычных женщин сильнее выражены сближающие чувства: дружелюбие, добросердечие, уверенность в правоте, собственная значимость, гордость за себя, признательность к подруге, уважение, любовь (различия значимы, $p < 0,05$). В общении с подругой сильнее сдвиг в лучшую сторону чувственного тона настроения – более выражены (в порядке убывания) радость, раскрепощение, интерес, счастье, уверенность, спокойствие, удовольствие от общения, восторг, бодрость (различия значимы, $p < 0,05$). Сильнее проявляется в общении ряд астенических чувств (в порядке убывания) – напряжение, тщетность, бессилие, скованность, растерянность, страх и меланхолических чувств – разочарование, досада, скука, уныние (все различия значимы, $p < 0,05$). Удаляющие чувства в абсолютных величинах средних баллов малы у одних и других представителей этносов, у русскоязычных женщин особенно малы по силе ненависть, презрение, отвращение, злость, переживания одиночества.

Факторный анализ показал, что наибольшую нагрузку несет признак «дистанция в отношениях». Всю выборку мы разделили на четыре подвыборки по этнической принадлежности (русскоязычные и тюркоязычные) и полу. Затем признак «дистанция в отношениях» использовали для разделения респондентов по величине дистанции в отношениях: респонденты с близкой дистанцией в отношениях и с увеличенной дистанцией. Согласно интерпретации автора методики (С.В. Духновского), повышенные показатели по шкале дистанции в отношениях могут свидетельствовать о стремлении дистанцироваться от партнера, настороженности, сниженном доверии, недостаточном взаимопонимании, переживаниях дискомфорта. Высокие значения могут говорить о переживаниях изолированности, одиночества. Пониженные показатели по шкале дистанции в отношениях можно интерпретировать как притяжение к другому человеку, стремление к доверию, согласию, взаимопониманию, ощущения эмоционального комфорта, симпатии, готовность проявлять снисходительность.

Тюркоязычных студенток с близкой дистанцией в отношениях с подругой, в сравнении со студентками с увеличенной дистанцией, отличает то, что они в общении с подругой испытывают более выраженные приятные (гедонические) чувства. Это чувства (в порядке убывания силы) радости, спокойствия, интереса, счастья, уверенности, удовлетворенности, раскрепощения, восторга, бодрости, удовольствия. Восемь из десяти сравниваемых по силе чувств различаются достоверно значимо ($p < 0,05$). Также у тюркоязычных студенток достоверно ($p < 0,05$) сильнее сближающие чувства единства и собственной значимости, несколько более сильно выражены уважение к подруге и признательность, уверенность в своей правоте и гордость за себя. Не выявлены достоверно значимые различия в удаляющих чувствах: одиночество, отращение, злость, вина, зависть, стыд, обида, презрение, ненависть.

Выводы. Обнаружены этнические и половые различия по многим эмоционально-чувственным характеристикам в дружеских отношениях, в переживаниях близости / отдаленности в отношениях. Абсолютные величины показателей негативных чувств у тюркоязычных и русскоязычных студентов невелики.

Список литературы:

1. Altman L., Taylor D.A. Social penetration: The development of interpersonal relationships. New York, 1973.
2. Barelds D.P. Personality in intimate relationships. Boston, 2003.

3. Chaikin A.L., Derlega V.J. Variables affecting the appropriateness of self-disclosure // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. Washington, 1974. Vol. 42. P. 142-154.
4. Collins N.L., Feeney B.C. An attachment theory perspective on closeness and intimacy // *Handbook of closeness and intimacy*. New Jersey, 2004. P. 163-189.
5. Hatfield E., Utne M.K., Traupmann J. Equity theory and intimate relationships // *Social exchange in developing relationships*. New York, 1979. P. 99-133.
6. Jourard S.M., Lasakow P. Some factors in self-disclosure // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1958. Vol. 56. P. 91-98.
7. Myers D.G., Diener E. Who is happy // *Psychological Science*. 1995. Vol. 6. P. 10-19.
8. Reis T.H., Shaver P. Intimacy as an interpersonal process // *Personal relationships: Theory, research and interventions*. Oxford, 1988. P. 367-389.
9. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. P. 68-78.
10. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Exploration on the meaning of psychological well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 57. P. 1069-1081.
11. Sullivan H.S. *The interpersonal theory of psychiatry*. New York, 1953.
12. Духновский С.В. *Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум*. – СПб.: Речь, 2010.
13. Куликов Л.В. *Руководство к методикам диагностики психических состояний, чувств и психологической устойчивости личности. Описание методик, инструкции по применению*. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
14. Куликов Л.В., Пастушик М.М. Обзор зарубежных исследований по проблеме эмоциональной близости // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 12. – 2009. – Вып. 4. – С. 161-167.

Секция 4

***ЭТНОС. МИГРАЦИЯ.
АККУЛЬТУРАЦИЯ***

ИССЛЕДОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МЕСТНЫМ ЖИТЕЛЯМ У МИГРАНТОВ ИЗ КНР

© Тойосова О.В., Щукина К.Е.

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

В данной статье рассматривается проблема толерантности по отношению к местным жителям у мигрантов из КНР в Республике Саха (Якутия). В связи с тем, что сегодня в мире процесс глобализации охватил практически все сферы жизнедеятельности человека. Он влечет за собой как положительные, так и отрицательные последствия и неизбежно приводит к возникновению миграционных потоков. В связи с этим особо остро встает проблема исследования толерантности как необходимого регулятора общественных отношений и условия успешной адаптации мигрантов в принимающем обществе.

В данном исследовании, во-первых, выявлялся общий уровень толерантности у мигрантов и местных жителей. Во-вторых, выявлены установки в сфере межнациональных отношений у мигрантов и местных жителей, в-третьих выявлена степень социально-психологического принятия саха и русских у мигрантов из КНР. А также приведен анализ его количественных и качественных результатов.

Ключевые слова: толерантность, межэтнические отношения, мигранты из КНР, миграция, интолерантность.

По мнению психологов Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой, О.Д. Шаровой, толерантная личность – это «человек, хорошо знающий себя и признающий других. Проявления сочувствия, сострадания – важнейшая ценность толерантного общества и черта толерантного человека» [2]. Этническая толерантность рассматривается как социально значимая характеристика, определяющая такой способ принятия этнокультурных различий, который исключает развитие этнофобий и межэтнических конфронтаций (Уолцер), как важное условие формирования позитивного диалога в межэтнических отношениях, а интолерантность – как барьер на пути разрядки межэтнической напряженности [4].

Олпорт Г.В. связывал толерантность-интолерантность с процессом формирования «общей ориентации», рассматривал ее как собственную «схема-

тическую ориентацию». Он подчеркивал, что толерантный человек одинаково дружелюбно настроен ко всем людям без исключения, ему безразличны раса, цвет кожи или вероисповедание, он любит людей, а не просто терпит их [2].

Цель нашей работы было исследование уровня толерантности по отношению к местным жителям у мигрантов из КНР.

Для достижения цели необходимо выполнить ряд задач:

1. Определить уровень толерантности у мигрантов из КНР и местных жителей.
2. Выявить степень толерантных установок в сфере межнациональных отношений у мигрантов из КНР и местных жителей.
3. Выявить степень социально-психологического принятия саха и русских у представителей КНР.

Предмет исследования: Уровень толерантности по отношению к местным жителям.

Гипотеза:

1. Существуют различия в уровне толерантности между мигрантами из КНР и местными жителями.
2. Степень социально-психологического принятия саха и русских у мигрантов из КНР имеют различия.

Объект исследования: Мигранты из КНР в количестве 60 человек, местные жители 60 человек.

Методы математической обработки: достоверность различий определялась по U критерию Манна-Уитни.

В методический инструментарий данного исследования вошли: экспресс-опросник «Индекс толерантности», измерение толерантных установок в сфере межнациональных отношений.

Для выявления общего уровня толерантности мы использовали экспресс-опросник «Индекс толерантности», где преобладающее большинство опрошенных 77 % мигрантов из КНР и 93 % местных жителей относятся к группе людей со средним уровнем общей толерантности. Такие результаты показывают респонденты, для которых характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. В одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявлять интолерантность.

Высокий уровень общей толерантности имеют 7 % мигрантов из КНР и 5 % местных жителей. Представители этой группы обладают выраженными чертами толерантной личности. Низкий уровень общей толерантности выявлен у 2 % мигрантов из КНР и 1 % местных жителей. Такие результаты

свидетельствуют о высоком уровне интолерантности человека и наличии у него выраженных интолерантных установок по отношению к окружающему миру и людям.

Измерение толерантных установок в сфере межнациональных отношений (В.С. Собкин, Д.В. Адамчук). По данным исследования мы выявили общий уровень толерантности и интолерантности. У мигрантов из КНР 54 % респондентов имеют показатель толерантность и 45 % респондентов имеют показатель интолерантность. 58 % местных жителей имеют показатель толерантности, а у 41 % показатель интолерантности.

Для выявления различий у двух групп мигранты из КНР и местные жители РС (Я) по уровню толерантности, а также по измерению толерантности и интолерантности в сфере межнациональных отношений, мы применили U-критерий Манна-Уитни, в результате которого выявлены различия по измерению толерантности и интолерантности на уровне значимости ($p \leq 0,05$), где полюс интолерантности имеет значение ($U = 0,00$). То есть существуют различия толерантности и интолерантности, где ранг больше у группы мигрантов-китайцев, что говорит о большем проявлении феномена интолерантности в сфере межнациональных отношений. В общем уровне толерантности у мигрантов-китайцев и у местных жителей Якутии выявлены различия, так же были обнаружены различия по уровню толерантности, где мы общую толерантность подразделяли на субшкалы. Где были выявлены различия в субшкале социальная толерантность. В остальных субшкалах различия не обнаружены.

Показатель «реальной социальной приемлемости» свидетельствует о приемлемости людьми одного этноса представителей другого, наличии или отсутствии стремления к интеграции с ними, а также толерантном или интолерантном отношении к ним.

Таблица 1

Групповая социальная приемлемость (СПр) к этническим группам

Мигранты-китайцы		
Национальность	Степень приемлемости	Баллы
Саха	Средняя	0,03
Русские	Средняя	0,03

Полученный в ходе исследования показатель «реальной социальной приемлемости» свидетельствует об автономности китайского этноса, об отсутствии стремления к интеграции с другим этносом. Реальная социальная экспансивность» отражает направленность чувств, а также наличие или от-

существование искреннего интереса одного этноса к другому. Так, у опрашиваемой группы китайцев выявлено, что они испытывают нейтральные чувства по отношению к саха и русским, что может говорить о практически одинаковом отношении опрошенной группы мигрантов-китайцев к саха и русским.

Таблица 2

Групповая социальная экспансивность (СЭр) к этническим группам

Мигранты-китайцы		
Национальность	Чувства	Баллы
Саха	Нейтральные	0,03
Русские	Нейтральные	0,03

Гипотеза исследования о том, что существуют различия в уровне толерантности между мигрантами из КНР и местными жителями, подтвердилась. Гипотеза о том, что степень социально-психологического принятия саха и русских у мигрантов из КНР имеют различия, не подтвердилась.

Список литературы:

1. Асмолов А.Г. На пути к толерантному сознанию. – М., 2000. – 255 с.
2. Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: научно-публицистический вестник. – 2001. – Вып. 1-2. – С. 87-89.
3. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2012. – 336 с.
4. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.

Секция 5

***ЭТНОС. КУЛЬТУРА.
ОБРАЗ ЖИЗНИ***

ФАКТОРЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕНТАЛИТЕТА КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ

© Елисеева Н.Д.

«Центр социально-психологической поддержки семьи и молодежи»,
г. Якутск

В статье представлен анализ формирования менталитета коренных народов Якутии. Анализируется влияние условий проживания, религиозного воззрения и социально-исторических факторов на формирование менталитета. Социально-психологическими особенностями традиционного менталитета коренных народов являлось почитание Природы, гостеприимство, трудолюбие, сдержанность в выражении чувств, уважение к старшим, принятие чужих детей как своих, преданность малой Родине, культуру молчания в общении, направленность на художественное восприятие мира, справедливость, порядочность, честность, доверчивость и толерантность. Отмечается, что изменения в менталитете народов в разные исторические эпохи происходило неравномерно. Наибольшие изменения произошли в советское время. Выдвигается гипотеза о том, что под влиянием различных факторов, создается компромисс менталитетов различных народов, населяющих Якутию, что может привести к формированию единого якутского менталитета.

Ключевые слова: менталитет, анимизм, шаманизм, инкорпорация, полиментальность, субъектное отношение к природе, культура молчания, толерантность, рефлексивность.

Коренными жителями Якутии являются чукчи, эвены, эвенки, юкагиры и саха. По результатам переписи населения в 2010 г. в Якутии проживало менее 1 миллиона человек. Среди них представлены такие национальности как, якуты (саха), эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи, русские, украинцы, татары, буряты, киргизы, армяне, узбеки, таджики. Большую часть населения составляют – якуты (саха) (49,9 %) и русские (37,8 %). Другие коренные национальности: эвенки (2,2 %), эвены (1,6 %), долганы (0,2 %), юкагиры (0,1 %), чукчи (0,1 %) составляют всего 4,2 % от общего количества населения. Оставшуюся часть 8,1 % составляют другие национальности, прибывшие на территорию республики (по данным Территориального фонда статистики РФ по Республике Саха (Якутия)).

До появления русских на Лене коренные жители жили по родовым кланам. Основным занятием были разведение крупного рогатого скота, лошадей, оленеводство, рыболовство и охота. В традиционном менталитете коренных народов Якутии исследователи выделяют следующие особенности: почитание Природы, гостеприимство, трудолюбие, сдержанность в выражении чувств, уважение к старшим, принятие чужих детей как своих, преданность малой Родине, культуру молчания в общении, направленность на художественное восприятие мира, справедливость, порядочность, честность, доверчивость и толерантность (Кротов, 1962; Иванов, 1974; Винокурова, 1994; Новиков, 1995; Антонова, 1995; Саввинов, 1995; Сафронов, 1995, 1998; Портнягин, 1999; Пашкевич, 2002; Рахлеева, 2003; и др.).

Формированию данных качеств способствовали условия жизни и религиозные воззрения. Традиционной религией коренных народов Якутии является анимизм и шаманизм. Анимизм окружающего мира был возведен до сложного социального уровня. Духи окружающего мира, в отличие от древнегреческого анимизма, были разделены не только по видам и формам животного и растительного мира. Конкретные озера, горы, реки, аласы и т.п. имели своих конкретных духов.

С приходом русских изменилась религиозная однородность. Парадокс принятия новой веры заключался в том, что оно не пустило глубоко свои корни, Солнце и огонь оставались более близкими. Русские путешественники писали, что не православный поп, а шаман являлся подлинным хозяином душ. Принятие православия означало не смену религии в целом, а инкорпорацию в другую этническую общность.

Общение с более многочисленным народом, имевшим глубокую и насыщенную историю, оставило свой след в менталитете коренных народов. Наиболее ярко стали проявляться такие качества как толерантность и рефлексивность, что способствовало сохранению национальной самобытности. Русские исследователи отмечают, что коренные народы достаточно быстро перенимали у русских новые умения и знания, при этом это было не простое копирование, а творческий процесс с целью адаптирования к местным условиям.

Трансформировались и другие качества. Например, принятие чужих детей, как своих, продиктованная инстинктом сохранения рода, перевоплотилась в милосердие к детям и к немощным – в истинно православную ценность.

Последствия влияния русского народа на менталитет коренных народов было не одинаковым. Так, у саха развилось качество предприимчивости.

Становление Советской власти в Якутии в начале 20-века историками оценивается положительно. Новая власть при формировании новой республики учитывало специфику быта, языка, традиций коренных народов [7]. Этому способствовало совпадение основных идеалов социализма и традиционных ценностей коренных народов: свобода, равенство, братство, справедливость и труд [4].

Начиная с 30-х гг. XX века Якутию начинают рассматривать как сырьевой придаток. Стремление быстрее освоить богатство ее недр послужило причиной истребления пастбищ, охотничьих угодий, из-за которого стало невозможным ведение традиционных видов трудовой деятельности: оленеводство, охота и рыбалка. В своей статье «Проблемы интернационализации общественной жизни республики» (1989) к.ф.н. П.С. Максимов писал: «... бездумное разрушение экологии традиционных форм хозяйства, промыслов коренных народов говорит о серьезных деформациях в идеологии и политике промышленного освоения Севера, интернационализации общественной жизни. Если вовремя не исправить эти деформации, то в будущем жизни народов Севера произойдет страшное – антропологическая катастрофа, разрушение, деградация личности человека» [5]. Особенно в этой гонке за полезными ископаемыми, пострадали северные арктические районы, места проживания коренных народов Севера. Невосполнимым уроном стало разрушение семьи – введение системы интернатного обучения для кочевых семей. Начиная с 30-х гг. прошлого века особенности социального развития народностей Крайнего Севера стали забываться и тем, самым стала исчезать национальная самобытность народов. Так, в 1979г. только 11,2 % эвенков, 44,1 % эвенов, 39,7 % юкагиров, 71,1 % чукчей считали свой национальный язык своим родным языком [5]. Сегодня сохранение национальной самобытности северных народов стало национальной проблемой.

Помимо изменения условий жизни, большой урон внесла мощная волна миграций из центральных регионов России. Особенностью этой миграции было наличие установки у вновь прибывших, на временное проживание в Якутии. По статистическим данным в 1970-1980 гг. ежегодно в Якутию прибывало 60-70 тыс. человек, убывало 50-60 тыс. чел. Социально-психологических исследований, изучавших психологию мигрантов не проводилось. Имеются небольшие исследования социологов и историков по этому направлению. Все эти исследования акцентируют на отрицательном влиянии данного процесса. Так, в социологическом исследовании проведенном отделом межнациональных отношений и этносоциальных процессов ИЯЛИ в 1988 г. выявлено что каждый пятый опрошенный (выборка 987 человек, из

них, 61,6 % русских и 24,4 % якутов) сталкивался с фактами неуважительного отношения к обычаям, традициям и языку коренных народов Севера. При этом, русские респонденты также оценивали, что данное поведение является отрицательным. Луковцев В.С. отмечает, что изречение мигрантов «у нас на материке», «на большой земле» олицетворяет не территориальное расположение Якутии, а психологическое отношение к своей жизни – мигранты считают, что настоящая жизнь может быть только на «материке» (1989). В нашем исследовании, проведенном в 2000 г. на территории Усть-Майского района был получен результаты, свидетельствующие о том, что данная установка на временное проживание в Якутии еще сохранилась у некоторых групп.

Итогом этих процессов стало трансформация многих традиционных ценностей. Так, исследователи отмечают исчезновение многих традиционных ценностей, норм и правил, в том числе, «культуры молчания», почитания животного и растительного мира, уважения старших по возрасту и т.д. (Попова 1979, 2000; Брагина, 1985; Максимов, 1993; Попов, 1994, 2000; Оконешникова, 1996; Егорова, 1997; Федорова, 1997; Тимофеева, 2001 и др.).

Социально-политические и социально-экономические изменения, происшедшие в России в постперестроечное время, послужили причиной для резкого всплеска в сознании народов, населяющих Россию. Рост национального самосознания наблюдалось у всех народов. Не осталась в стороне и Республика Саха (Якутия). В первые годы наблюдалось реставрация традиционных этнических ценностей. Так, в нашем исследовании, проведенном в 2001-2003 гг. были получены результаты, в которых было выявлено, что современные представления народа саха о нравственном человеке связаны с традиционными ценностями народа. В представлениях респондентов наблюдается расширение границ нравственного поведения за счет понимания природного мира как полноправного участника в жизни человека, ориентация на мнение группы, акцент на способность человека сотрудничать с социальным и природным миром. Данные факты созвучны с выводами, сделанными В.Е. Семеновым о том, что во времена духовного кризиса, которое наблюдаем сейчас, работают механизмы ценностно-ментальной саморегуляции, самосохранения российского общества [15].

Винокурова У.А. говорит о следующих прогностических моделях этнокультурной консолидации:

1. Уход в национально-культурную автономию, в индивидуализацию культуры через носителей ярких талантов, что приводит к снижению системных связей внутри этноса;

2. Спад этнической энергии вплоть до потери этнической целостности народа.
3. Накопление этнической энергии народа до уровня формирования государственного менталитета [4].

Абрамова М.А. и Неустроев Н.Д. считают, что создалась новая концепция – взаимодействие культур приполярных зон [1]. Где происходит взаимодействие культуры северных народов и культуры саха. При этом, авторы считают, что может возникнуть проблема утраты самобытной культуры народов.

Рассмотрение менталитета якутского народа, как полиментального, является на наш взгляд, наиболее правильным. Есть основания предполагать, что компромисс менталитетов различных народов, населяющих Якутию может формироваться в единый менталитет, т.к. географические, климатические условия Якутии ставят перед человеком придерживаться традиций и норм, основывающихся на природосообразности, доверии к ней, вне зависимости от национальной и культурной принадлежности человека.

Список литературы:

1. Абрамова М.А., Неустроев Н.Д. Гуманистические представления в культуре народов Якутии. – М.: Academia, 2003. – 216 с.
2. Боякова С.И. Коренное население Якутии в условиях промышленного освоения: проблемы и перспективы // Север: проблемы и перспективы. – 2001. – № 1 (5). – С. 17-19.
3. Васильев Г.М. Живой родник. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1973. – 303 с.
4. Винокурова У.А. Сказ о народе саха. – Якутск: Бичик, 1994. – 144 с.
5. Интернационализация духовной жизни народов Якутской АССР: Сборник научных трудов. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1989. – 136 с.
6. Марфусалова А.Д. Мудрость экотрадиций северян. – Якутск, 2002.
7. Михайлов И.И. Осуществление национальной политики партии в Якутии в первые годы советской власти. – Якутск: Якуткнигиздат, 1967. – 55 с.
8. Новиков А.Г. О менталитете народа саха. – Якутск, 1995. – 230 с.
9. Новиков А.Г. Особенности менталитета северян // Север: проблемы и перспективы. – 2001. – № 1 (5). – С. 20-22.
10. Новиков А.Г., Пудов А.Г. Менталитет северян в контексте циркулярной цивилизации. – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2005. – 178 с.

11. Попова Г.С. Воспитание детей у народа саха. – Якутск: Бичик, 1979. – 90 с.
12. Портнягин И.С. Этнопедагогика «Кут-сур». – М.: Academia, 1999. – 164 с.
13. Саввинов А.С. Человек через призму «Кут-сур». – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1995. – 112 с.
14. Сафронов Ф.Г. Православное христианство в Якутии. – М.: АлРоса, 1998. – 78 с.
15. Семёнов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Социальная психология в трудах отечественных психологов (Хрестоматия). – СПб.: «Питер», 2000. – С. 485-492.
16. Этнос: традиции и современность. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1994. – 92 с.

УДК 159.9

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В ОБРАЗЕ МИРА СТУДЕНТОВ

© Базарова Д.Р., Монсонова А.Р.

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Исследование ориентировано на выявление особенностей потребностно-смысловой сферы личности как духовной характеристики образа мира молодежи Байкальского региона и ценностно-смысловых детерминант, определяющих проявления образа мира. В статье отражены результаты исследования с помощью Уфимской батареи психоаналитических тестов, модифицированных в научной школе профессора Г. Абдуловича Аминова – «Экзистенциальные потребности» (по Э. Фромму), тест «Метапотребности личности» (по А. Маслоу). Выборку составили три группы: студенты младших и старших курсов, студенты заочного обучения (работающая молодежь) по 60 респондентов в каждой группе.

Ключевые слова: образ мира, студенты, ценности, смысл, душа, экзистенция, духовные потребности.

Потребности человека в чем-либо формируют линию его жизни. Особенно это связано с духовными потребностями человека. Молодежь начала

третьего тысячелетия, в отличие от других поколений, в силу современных кризисных социально-экономических условий общества, вынуждена задумываться о потребностях базового уровня. Молодежь стремится к овладению материальными ресурсами, возможно, жертвуя главными ресурсами, куда входят смысл жизни, совесть, честь, духовное развитие, душа [4].

Фромм Э. рассматривает такие жизненные вопросы бытия, как: «что такое человек? любовь, потребности души и т.д.». Человек реагирует на изменения внешней обстановки тем, что меняется сам. Он пишет: «... человеческую личность нельзя понять, если мы не рассматриваем человека во всей целостности, включая потребность найти ответ на вопрос о смысле его существования и отыскать нормы, в согласии с которыми ему надлежит жить» [7].

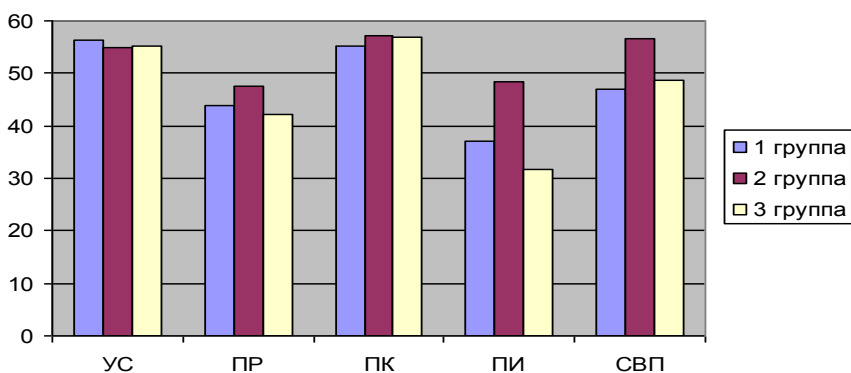

Рис. 1. Показатели теста высших потребностей по Э. Фромма (в %)

Примечание: УС – потребность в установлении связи, ПР – в преодолении пассивной (животной) природы, ПК – потребность в корнях, ПИ – потребность в идентичности, СВП – потребность в системе взглядов и преданности.

Маслоу А. выделяет группу потребностей, связанных с самоактуализацией, которую он понимает как непрерывную реализацию потенциальных возможностей, способностей [3, с. 388]. Тест направлен на определение уровня выраженности 14 высших потребностей человека: в целостности, совершенстве, завершенности, законе, активности, в богатстве (т.е. в какой-либо сложной деятельности, прочных межличностных контактах), в простых доверительных отношениях, в красоте и гармонии окружающего мира, доброте, уникальности, ненапряженности, в игре (гедонистическом отношении к жизни), в истине, честности и реалистической жизненной установке, в самонадеянности (независимости). Эти метапотребности (греч. meta –

сверх, после) как высшие потребности являются детерминантами самоактуализации личности.

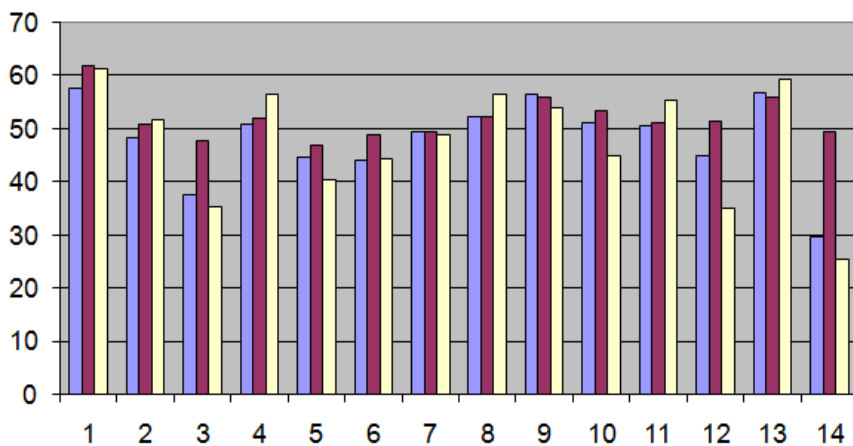

Рис. 2. Показатели метапотребностей по А. Маслоу

Примечание: 1 – Целостность, 2 – Совершенство, 3 – Завершенность, 4 – Закон, 5 – Активность, 6 – Богатство, 7 – Простота, 8 – Красота, 9 – Доброта, 10 – Уникальность, 11 – Ненапряженность, 12 – Игра, 13 – Истина, Честность, Реальность, 14 – Самонадеянность.

Из 14 шкал данного теста самыми значимыми для молодежи всех групп стали: шкала целостности, шкала истины, честности и реальности ($p < 0,05$). Также отмечены такие потребности, как – закон, красота, доброта, ненапряженность, совершенство. Всё это можно объяснить тем, что, современная молодёжь стремится к идеализации жизненных ценностей, к свободе и равенству своей личности и любого человека. По результатам исследования, можно сделать вывод, что, в целом, потребностно-смысловая сфера современной молодежи Байкальского региона отличается достаточно высоким уровнем духовности личности, экзистенциальных ценностей и метапотребностей, что является структурно-содержательными характеристиками их образа мира [5].

Список литературы:

1. Аминев Г.А. Образование: гибкие технологии / Под ред. проф. Г.А. Аминова; к.псих.н. Э.Г. Аминова. – Уфа: БО РПО, 1997. – 109 с.
2. Базарова Д.Р. Ценностно-смысловые детерминанты структурно-содержательных характеристик образа мира молодежи в контексте психосемантического подхода: автореф. дисс. ... канд. псих. н. – Улан-Удэ. 2011. – 24 с.

3. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл. 1999. – 425 с.
4. Монсонова А.Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций личности. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – 182 с.
5. Санжаева Р.Д., Дагбаева С.Б. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. – 135 с.
6. Фромм Э. Душа человека / Общ ред., сост. и предисл. П.С. Гуревича. – М.: Республика, 1992. – 429 с.

УДК 159.9.075 ББК 88.58

ЦЕННОСТИ МУЖЧИН САХА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

© Попова Д.А., Нафанаилова М.С.

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

Статья посвящена влиянию феномена глобализации на ценности человека. Приводятся результаты эмпирического исследования ценностных приоритетов современных мужчин саха на примере студенческой молодежи проживающих в Республике Саха (Якутия). Объем выборки составил 100 человек. В целом, установлено параллельное сосуществование и переплетение двух ценностных систем: индивидуалистическая (модернистская) и коллективистическая (традиционная). Наиболее значимыми для молодых саха выступили ценности социализации и адаптации. Соотношение индивидуальных и групповых ценностей показало преобладание ориентации на власть и на изменения. В ценностных приоритетах обнаружены значимые различия по месту жительства респондентов. Сделан сравнительный анализ результатами предыдущего исследования (на выборке молодых женщин Севера). Намечены перспективы дальнейших исследований ценностей в этнопсихологическом аспекте.

Ключевые слова: ценностные приоритеты, индивидуалистические и коллективистические ценности.

Иерархия ценностей оказывает большое влияние на сознание человека, которая обуславливает форму поведения и деятельности, потребностей, от-

ношения к окружающей среде (обществу), обуславливающих различные формы поведения. Изменения, происходящие в политической, экономической, духовной сферах общества влекут за собой перемены и в структуре ценностных приоритетов и поступках людей. На сегодня, процесс развития глобализации, привнесшая в себе западную культуру индивидуализма, как одного из самых наиболее важных составляющих современного общества, которое выдвигает качество жизни: материальный достаток, успех, как степень удовлетворенности собой, и как один из приоритетных ценностей, также обостряющийся международный политический кризис, определяют свою роль при установлении ценностных приоритетов. Таким образом, целью работы является выявление ценностных приоритетов у студентов мужчин-саха (якуты), где в исследовании приняли участие 100 человек в возрасте от 18 до 25 лет.

Были использованы следующие методики: ценностный опросник Шварца [1, 5], шкала ориентаций «Культурно-ценностный дифференциал», разработанная Г.У. Солдатовой, И.М. Кузнецовым и С.В. Рыжовой [3], опросник Р. Инглхарта – М. Яницкого в форме анкетирования [4].

Обнаружено, что приоритетными ценностями молодых людей являются – «Безопасность» (4,79) – стремление к стабильности и предсказуемости мира, «Самостоятельность» (4,78) – стремление к свободе и выбору собственных целей и «Достижения» (4,77) – вера в собственный успех, что говорит об индивидуальности как о способе достижения личной свободы, определенного социального статуса и стремления к стабильности и предсказуемости мира, но вместе с тем развитие своей личности в духовно-нравственном плане отсутствует. Необходимо подчеркнуть про «эффекты текущего момента», которые влияют на выбор ценностей, в нашем случае, выбор ценности «Безопасность».

В исследовательском проекте А.П. Макаровой, М.Д. Бугаевой и М.С. Нафанаиловой, посвященном ценностным приоритетам молодых женщин Севера, была выявлена следующая тройка приоритетов – «Самостоятельность» – 1 место, «Достижения» – 2 место, «Гедонизм» – 3 место. Женщины более заинтересованы в разнообразии и глубоких переживаниях, отличаются стремлением к новизне и незамедлительному удовлетворению своих желаний, более уверены в себе и самостоятельны, эгоцентричны, т.е. мужчины более лояльны для достижения собственных целей и прежде всего их заботит безопасность и стабильность общества, отношений и самого себя [2].

Наиболее значимыми для молодых людей являются ценности социализации – 44 % (наибольший выбор ответов как семья и хорошая престижная

работа, уважение окружающих) и адаптации – 33 % (выбор ответов – здоровье и отсутствие нужды и материального достатка) [4].

В ходе изучения соотношения индивидуальных и групповых ценностей было выявлено преобладание ориентации на власть и на изменения [3]. Хорошо взаимодействуют с окружающей действительностью, но развито чувство соперничества, с большей уверенностью смотрят в будущее, склонны к риску, и характеризуют себя более открытыми людьми. Осознанно подчинены запретительным и регулирующим стандартам общества (табл. 1).

Таблица 1

Общий итог по шкалам ориентаций

Вид ориентации	Ориентация на группу – на себя		Ориентация на изменения		Ориентация друг на друга		Ориентация на власть	
	на гр.	на себя	да	нет	да	нет	да	нет
Ср. знач.	53,05	52,64	66,23	50,67	58,33	45,5	63,54	47,54

При анализе по месту проживания выявлен интересный результат: сельские студенты больше ориентируются на себя (53,28), чем на группу (52,54), а городские студенты ориентируются более на группу (54,47), чем на себя (49,07).

В целом, результаты исследования указывают на то, что у молодых людей саха преобладают индивидуалистические ценности: стремление достичь успехов в личной жизни, практичность, консерватизм, социальная пассивность, повышенное беспокойство за себя и за свое будущее. Это объясняется тем, что в молодости человек строит жизненные планы на получение образования, на создание своей семьи и на собственную карьеру. В то же время наблюдается тенденция ориентации на коллективистические ценности, что является нормативным поведением для культуры саха.

В дальнейшем для получения более точных эмпирических данных мы планируем учитывать восприятие респондентами смысловых значений слов (ценностей). Возможно, усовершенствованный метод позволит получить более объективную и глубинную картину ценностных приоритетов молодежи саха.

Список литературы:

1. Карандашев В.Н. Концепция ценностей культуры Ш. Шварца // Вопросы психологии. – 2009. – № 1. – С. 81-96.
2. Леонтьева М.Д., Макарова А.П., Нафанаилова М.С. Возрастные особенности ценностных приоритетов женщин Севера (на примере представи-

телей эноса саха // Психология экстремальных профессий: материалы Всероссий. науч.-практ. конф. (г. Архангельск, 18-19 декабря 2014 г.) / Сост. и отв. ред. Я.А. Корнеева; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: САФУ, 2015. – С. 141-144.

3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998.

4. Яницкий М.С. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности: учебное пособие / М.С. Яницкий, А.В. Серый. – Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2010. – 102 с.

5. Schwartz S.H. (1990). Individualism-collectivism: Critique and proposed refinements. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 21, 139-157.

УДК 159.9 (075) ББК 88.48я7

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

© Готовцева И.П., Винокурова Я.В.

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

В статье рассматриваются межэтнические различия психологических особенностей онкологических больных на примере якутского этноса. Выявлены различия в выраженности компонентов тревожности и механизмов психологической защиты. Определены ведущие механизмы защиты и особенности личностной и ситуативной тревожности при онкологических заболеваниях.

Ключевые слова: механизмы психологической защиты, личностная тревожность, ситуативная тревожность, этнопсихологические особенности, психоонкология.

В настоящее время, психология онкологии является одной из наиболее активно обсуждаемых тем, как в медицинском сообществе, так и в психологическом. Основоположница этого направления, Джимми Холланд, определяет психоонкологию, как науку о психологических, психических, социальных и этнических факторах, имеющих отношение к развитию, предотвращению и устранению онкологической патологии, обосновывая необходимость изучения психологических отклонений и психиатрических расстройств

у пациентов с онкологическими заболеваниями. Психологические аспекты онкологии рассматриваются с двух сторон: психологические реакции пациентов и их окружения на онкозаболевание на всех его стадиях («онкопсихология») и психологические, поведенческие и социальные факторы, способные влиять на процесс болезни («психосоциальная онкология») [2].

Существует гипотеза о том, что психосоциальные факторы в сочетании с другими факторами риска могут сыграть решающую роль в течении заболевания, так как формируют повседневный образ жизни человека. При этом, в отечественной психологии приобретение онкологического заболевания человеком с психологической точки зрения рассматривается как экстремальная или как кризисная ситуация, что предполагает возможность применять методы исследования кризисных или экстремальных ситуаций к проблеме исследования психологических аспектов онкологического заболевания. В данном случае человеку необходимо не только принять и осмыслить свой диагноз, что требует огромных душевных затрат, но и научиться решать целый ряд новых для него личностных и экзистенциальных проблем. Но при этом, в любом случае, независимо от локализации поражения, заболевание с витальной угрозой с высокой вероятностью становится психотравмирующим событием для человека. Поэтому основной проблемой изучения психоонкологии является изучение реагирования пациента на само онкологическое заболевание, проблемы взаимодействия личности и болезни.

Известно, что представители различных народов по-разному реагируют на те, или иные обстоятельства жизни, в силу своих различий в поведении, типу темперамента, складу характера. Этнопсихологи Х. Штейнталь и М. Лазарус пытались доказать, что язык, религия, право, искусство, наука, быт, нравы, получают конечное объяснение в психологии народа как носителя коллективного разума, воли, чувств, характера, темперамента и т.п. Из такого умозаключения вытекает то, что все явления социальной жизни человека представляют собой некий народный дух, то есть основной задачей психологией народов становится познание психологической сущности духа народа, познание законов, по которым протекает духовная деятельность [5].

В нашем исследовании мы попытались определить, насколько велика разница в преобладании тех или иных психологических особенностей у различных этнических групп в переживании своего диагноза.

В условиях мультикультурной среды, где пациентами выступают представители разных этнических групп, учет этнических психологических особенностей также важен в процессе психологического сопровождения пациента, его лечения и реабилитации. Этническая принадлежность, национальный харак-

тер, культура, менталитет и т.д. откладывают свой отпечаток не только на личностные особенности, но и как следствие, на особенности эмоционального реагирования на различные заболевания, внутреннюю картину болезни, на используемые механизмы психологической защиты и смысловые ориентации. Зная, чем отличаются представители различных этносов, психолог уже заранее сможет предугадать свои следующие шаги в работе с ними.

Цель исследования состоит в изучении межэтнических различий психологических особенностей личности онкологических больных. Мы предположили, что у онкологических пациентов разных этнических групп имеются различия по структуре и выраженности личностных и эмоциональных характеристик. В качестве испытуемых было выбрано две группы: первая группа (экспериментальная) – пациенты с онкологическими заболеваниями, этническая принадлежность которых якуты, в количестве 34 человека; вторая группа (контрольная) – пациенты с онкологическими заболеваниями, являющиеся представителями различных этносов, в количестве 26 человек. Всего в исследовании приняло участие 60 человек.

Для определения ведущих механизмов психологической защиты мы использовали опросник «Индекс жизненного стиля» (ИЖС) был разработан Р. Плутчиком в соавторстве с Г. Келлерманом и Х.Р. Контом. Уровень тревожности, как ситуативной, так и с личностной, мы определяли с помощью «Интегративного теста тревожности» (ИТТ) А.П. Бизюка, Л.И. Вассермана, Б.В. Иовлева.

По результатам проведенного исследования было выявлено, что выраженность механизмов психологической защиты у представителей якутского этноса немного ниже, чем у представителей контрольной группы. Обратимся к таблице 1.

Таблица 1

Выраженность механизмов психологической защиты

№	Наименование шкалы (механизмы психологической защиты)	Национальность		Нормативные показатели среди здорового населения
		Якуты (Группа I)	Другие (Группа II)	
1	Отрицание	71,9	77,8	55
2	Вытеснение	78,5	84,2	63
3	Регрессия	63,6	74	68
4	Компенсация	61,7	74,1	66
5	Проекция	33,8	43	50
6	Замещение	55,8	64,2	63
7	Интеллектуализация	42,9	56,6	57
8	Реактивный образ	75	84,8	63

Из этой таблицы видно, что в первой (экспериментальной) группе в картине психологических защит преобладают несколько защитных механизмов, но при этом, на первый план выходят защитные механизмы «вытеснение», «реактивное образование» и «отрицание». Эти же защиты носят доминирующий характер и в контрольной группе испытуемых. Выраженность механизма «Вытеснение» говорит о том, что представитель любой национальности чаще всего избегает проявления внутреннего конфликта путем исключения из сознания истинного, но неприемлемого факта серьезного заболевания. Исключение такой психотравмирующей информации из сознания равносильно её забыванию. Причиной подобного «забывания» является намерение избежать дискомфорта, которое вызывается наличием угрожающего жизни заболевания.

Высокие показатели шкал «реактивное образование» и «отрицание» свидетельствуют о том, что пациенты, сталкиваясь с серьезным заболеванием, стараются чаще прибегать к принятию своего болезненного состояния путем бессознательного отвержения собственных эмоционально неприемлемых мыслей и переживаний, а также предотвращать их путем преувеличенного развития противоположных ценностей.

При этом в обеих группах такой механизм психологической защиты как «проекция» находится ниже нормативных показателей. Эти показатели, скорее всего, связаны с тем, что онкологический диагноз является таким сильным травмирующим фактором, который невозможно приписывать другим даже на бессознательном уровне.

Также, представители якутского этноса продемонстрировали меньшую выраженность таких защит как «регрессия», «компенсация» и «замещение». Скорее всего, такие данные были получены из-за особого этнопсихологического склада личности, характерного для якутов.

В целом надо отметить, что в группе пациентов якутского этноса, общий уровень напряженности всех защит ниже, чем в группе других национальностей. Это указывает на то, что для представителей якутского этноса наличие онкологического диагноза в анамнезе является менее значимым фрустрирующим фактором, а слабая выраженность остальных механизмов психологической защиты свидетельствует о более низком эмоциональном напряжении данных больных и ослаблении бессознательных форм реагирования на факт заболевания. Возможно, это связано с тем, что представители экспериментальной группы по своим этническим психологическим особенностям более сдержаны в проявлении эмоций, имеют склонность скрывать свои переживания, в целом обладают более скромным репертуаром эмоционального реагирования и экспрессии.

Если обратиться к процентному соотношению данных, то мы получим следующие результаты: в группе I у 29 % испытуемых среди механизмов психологической защиты преобладает «вытеснение» и у 32 % – «реактивное образование». В данном случае можно сказать о том, что у представителей этой группы негативные эмоции и переживания, например, переживания болезни, заменяются на ровно противоположные или же вытесняются полностью.

Далее обратимся к результатам по методике «Интегративный тест тревожности».

Таблица 2

Показатели группы I по шкалам «Интегративного теста тревожности»

Уровень	СТ-Л	ЭД	АСТ	ФОБ	ОП	СЗ	СТ-С	ЭД	АСТ	ФОБ	ОП	СЗ
Высокий	24 %	32 %	38 %	26 %	18 %	18 %	38 %	29 %	59 %	47 %	35 %	21 %
Средний	70 %	50 %	53 %	59 %	53 %	53 %	59 %	56 %	41 %	47 %	50 %	44 %
Низкий	6 %	10 %	9 %	15 %	7 %	29 %	3 %	15 %	0 %	6 %	15 %	35 %

Тревожность, как устойчивая личностная черта у представителей якутского народа проявляется на среднем уровне, об этом мы уже говорили. Якуты могут ярко переживать те или иные события, но при этом могут не показывать своих эмоций или наоборот. Средний результат всегда достаточно неоднозначен. При этом время от времени бывает сниженное настроение, которое связано с неудовлетворенностью чем-то, которое и может привести к тревоге. Астенический компонент тревоги, который больше всего выражен среди высоких результатов, говорит нам о том, что усталость, вялость, пассивность проявляется достаточно редко, однако проявляется. При этом, чаще всего, тревога связана с постоянной неуверенностью в себе и боязнью перед какими-либо трудностями, которые могут быть. Однако, перспективная оценка и тревога за свое будущее таким людям не свойственны, скорее они живут настоящим. Что же касается социальных реакций защиты, то якуты об этом беспокоятся не часто, их редко волнуют социальные контакты, скорее их будет заботить обстановка в семейной жизни.

Ситуативная тревожность, вызванная, в данном случае ситуацией болезни, проявляется также на среднем уровне. Все шкалы, кроме астенического и фобического компонентов ситуативной тревожности, находятся на среднем уровне. Это говорит о том, что представители народа саха в период болезни подвержены усталости, пассивности, часто быстро утомляются. Им сложно заниматься какой-либо физической деятельностью. Кроме того, у них появляется неуверенность в себе, которая ведет к появлению страхов перед болезнью.

Обобщив вышеперечисленное, можно сделать вывод о том, что общий показатель личностной тревожности не сильно отличается от ситуационной. Но при этом, меняются показатели дополнительных шкал, следовательно, болезнь, которая отрезает человека от его обыденной жизни, меняет часть его внутреннего мира: не только настроение, но и, к примеру, круг общения, деятельность и т.д.

Таблица 3

Показатели группы II по шкалам «Интегративного теста тревожности»

Уровень	СТ-Л	ЭД	АСТ	ФОБ	ОП	СЗ	СТ-С	ЭД	АСТ	ФОБ	ОП	СЗ
Высокий	35 %	38 %	57 %	38 %	38 %	31 %	38 %	39 %	54 %	54 %	31 %	19 %
Средний	61 %	54 %	35 %	47 %	50 %	42 %	54 %	57 %	38 %	38 %	57 %	50 %
Низкий	4 %	8 %	8 %	15 %	12 %	27 %	8 %	4 %	8 %	8 %	12 %	31 %

Представители других национальностей также подвержены тревожности, но при этом, у них получились примерно такие же результаты, как и у первой группы. Все показатели на среднем уровне, кроме астенического компонента, который имеет высокие показатели. Это говорит о том, что усталость, вялость, пассивность проявляется у представителей второй группы достаточно часто. При этом тревога связана с постоянной неуверенностью в себе и боязнью перед какими-либо трудностями, которые могут быть.

Что же касается ситуационной тревожности, то все шкалы так же на среднем уровне, кроме астенического и фобического компонентов тревоги. Это говорит о том, что представители других национальностей, так же, как и представители этноса саха, в период болезни подвержены усталости, пассивности, часто быстро утомляются. Им сложно заниматься какой-либо физической деятельностью. Кроме того, у них появляется неуверенность в себе, которая ведет к появлению страхов перед болезнью.

Испытуемые обеих групп не сильно отличаются друг от друга в показателях как личностной, так и ситуативной тревожности. Представители обеих групп одинаково сильно переживают ситуацию болезни. Их ситуационная тревожность гораздо выше личностной.

Однако процент пациентов с высоким уровнем личностной тревожности выше во второй группе (38 % против 24 %), что свидетельствует о том, что у якутского этноса данная личностная черта менее выражена, чем у контрольной группы. Показатели остальных шкал личностной тревожности также немного ниже в экспериментальной группе, что также говорит о меньшей выраженности у якутов различных компонентов тревожности как устойчивой личностной характеристики.

Однако показатели ситуативной тревожности и ее дополнительных шкал не так сильно различаются в обеих группах. Это говорит о том, что в ситуации онкологической болезни представители обеих групп одинаково негативно воспринимают данный факт, что отражается на их эмоциональном состоянии. Особенно отчетливо это проявляется в усилении фобического и астенического компонента тревожности. Эти данные свидетельствуют о том, что пациенты как якутского этноса, так и других этнических групп, более боязливы по отношению к своему заболеванию. Для них характерны более выраженные усталость, расстройства сна, вялость, быстрая утомляемость.

Таким образом, пациенты, находящиеся на стационарном лечении в связи с онкологическим заболеванием, характеризуются высоким уровнем выраженности защитных механизмов «вытеснение», «реактивное образование» и «отрицание». Пациенты, являющиеся представителями якутского этноса, характеризуются меньшей напряженностью всех защит, что свидетельствует об особом характере реагирования на онкологический диагноз, связанном с этническими особенностями якутов. Также для пациентов якутской этнической группы характерна меньшая выраженность показателей личностной тревожности, однако выраженность ситуативной тревожности высока в обеих группах испытуемых, что свидетельствует о высокой фрустрирующей силе онкологического заболевания.

Как мы уже писали выше, каждому пациенту нужен индивидуальный подход, не зависимо от того мужчина это, или женщина, представитель народа саха или русский. Заболеть одним из видов рака может любой человек. Однако, не любой может преодолеть психологический стресс, связанный с болезнью без посторонней помощи. Этот диагноз в любом случае в корне меняет весь образ жизни пациента, и врачи-онкологи всего мира важнейшим аспектом комплексной терапии онкологических заболеваний считают коррекцию психоэмоционального состояния пациента.

Список литературы:

1. Бабаков В.Г. Стрессовое состояние этнического сознания// Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня: хрестоматия. – Мн.: Харвест, 2004. – С. 403-426.
2. Блинов Н.Н. Об отношении онкологических больных к своему диагнозу // Вопросы онкологии. – 1990. – С. 966–969.
3. Вундт В. Проблемы психологии народов. – М.: Академический проект, 2010. – 136 с.

4. Павленко В.Н., Таглин С.А. Общая и прикладная этнопсихология. – М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. – 483 с.
5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: ИП РАН, Академический Проект, 2000. – 320 с.
6. Тхостов А.Ш. Осознание заболевания у онкологических больных // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1984. – № 12. – С. 1936-1944.
7. Фрейд З. Конечный и бесконечный анализ // Психоанализ в развитии. (З. Фрейд, Ш. Ференци, М. Кляйн, Е. Гаддини, П. Фонда). – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С. 25-26.
8. Холланд Дж., Ривкина Н. М. Психоонкология. История развития. // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – № 1. – С. 14-23.

УДК 616-01/09 ББК 57.3

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

© Сергиевич А.А.¹, Хороших П.П.²

¹Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

²Технический институт (филиал)

Северо-Восточного федерального университета, г. Нерюнгри

Последние исследования состояния здоровья детей коренного населения северных регионов Российской Федерации показывают, что происходит ухудшение здоровья данной возрастной группы. Авторами проведен анализ основных исследований детей северных регионов России. Отмечены основные причины развития детской патологии в данной территориальной области. Особое внимание в статье уделяется влиянию этнических особенностей развития детского организма на восприимчивость к различного рода заболеваниям. Проведя общий анализ исследований, авторы работы отмечают особую роль перинатальных и младенческих болезней в регионах Севера России, неинфекционного характера в младшем возрасте, рост числа иммунных заболеваний, а также развитие психических отклонений различного генеза.

Проведенный анализ показал наличие этиопатогенетической разнородности, характерный для всех северных регионов.

Ключевые слова: детское население Севера, патология, этнические особенности здоровья.

Одним из приоритетных направлений системы здравоохранения в Российской Федерации на сегодняшний день является сохранение здоровья детского населения среди коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Климатические условия, удаленность и труднодоступность северных территорий, а также своеобразие традиций и образа жизни коренного населения требуют выделить данную территорию в особую группу. К этой группе необходимо особое внимание и изучение жизненного уклада и традиционной трудовой деятельности.

Особую актуальность в последнее время приобретают вопросы, касающиеся состояния здоровья детей коренного населения северных регионов России. Согласно последним исследованиям, растущий организм находится под воздействием многих стрессогенных факторов в условиях Севера. Начиная с периода родовых процессов, можно проследить негативное влияние климатических и экологических условий, что становится причиной различных дезадаптивных реакций, снижения резервных гомеостатических механизмов. Кроме этого, важно отметить такие факторы воздействия, как «термальные стрессы», укорочение светового дня с увеличением «биологической темноты», повышенная активность космических излучений и магнитных полей, близкое расположение от поверхности почвы слоя вечной мерзлоты, специфический аэродинамический режим [1, 3]. Все эти факторы вызывают задержку морфофункционального развития, и ухудшают здоровье детей.

Исследования многих авторов подтверждают тот факт, что ухудшение состояния здоровья детей коренного населения Севера наблюдается уже на перинатальном этапе развития [2, 4, 5]. Существует ряд перинатальных патологий, которые получили особое развитие на северных территориях: гестоз, внутриутробная гипотрофия, внутриутробная гипоксия плода, а также анемия. Также на развитие патологии оказывают влияние отягощенный акушерский анамнез, вредные привычки у матери ребенка, высокая инфекционная заболеваемость, аллергизация, высокий удельный вес воспалительных заболеваний половых органов у женщин фертильного возраста.

Отдельно стоит обратить внимание на риски младенческой смертности в северных регионах России. Перинатальная и младенческая смертность зависит от медико-биологических, социально-гигиенических и медико-орга-

низационных факторов. Особую роль, согласно данным многих исследований, занимают медико-биологические факторы, к которым можно отнести возраст матери, порядковый номер родов, интервал между беременностями, состояние здоровья матери, масса ребенка при рождении, характер вскармливания, наличие неблагоприятного преморбидного фона.

Особое значение сейчас предается исследованиям, посвященным вопросам изучения неинфекционных заболеваний среди детского населения Крайнего Севера. На сегодняшний день доказан факт, что у большинства детей северян существует наследственная предрасположенность к неинфекционным заболеваниям. Как показывают данные обследований взрослого населения, родители, имеющие детей с неинфекционной патологией, сами являлись обладателями хронической неинфекционной патологии [3]. К числу таких патологий относятся ишемическая болезнь сердца, артериальная гипертензия, хронические неспецифические заболевания лёгких, энтокринопатии.

В северных республиках остро стоит вопрос о онкологических заболеваниях детей, болезнях крови и эндокринной системы. Дети представителей северных регионов и Сибири страдают от эндокринной заболеваемости, которая носит разнонаправленный характер. Иммунодефицитная направленность в организме детей наблюдается в нарушении биологических и функциональных процессов. Кроме этого, это ведет к изменению ряда биологических показателей, обмена белков, липидов, минералов и витаминов, а также изменение антиоксидантного и тиреоидного статуса. Помимо перечисленной патологии наблюдение исследователей выявило дисбаланс перекислых процессов, антиокислительной активности, а также изменение реологических свойств крови. Часто отмечается геморрагический синдром и детского коренного населения. В качестве примера можно отметить, что дети-эвенки часто проявляют алиментарно-зависимые состояния, к которым относят гиповитаминозы, железодефицитные анемии, и врожденный гипотиреоз.

Ряд ученых отмечают возможное наличие этнических особенностей иммунного ответа на инфекцию. Данное предположение основано на том, что отмечается неэффективность вакцинации детей-северян при определенной периодичности функциональных иммунодефицитных состояний. Параметры иммунного статуса изменяются и под воздействием возросшей антигенной нагрузки [1, 5].

Исследуя состояние детей коренного населения северных регионов России, большое количество исследователей уделяют отдельное внимание вопросам психического здоровья. Большое распространение сегодня получили эмоциональные и поведенческие расстройства, которые развились в дет-

ском возрасте (F 90-98), расстройства психологического развития (F 80-83), умственная отсталость (F 70-71) [4, 5]. Все это в дальнейшем ведет к развитию таких социальных дезадаптаций, как алкоголизм, суицидальное или криминальное поведение. Кроме этого, отмечается большая распространенность соматической патологии. Психические нагрузки также оказывают выраженный негативный эффект на психическое здоровье детей. Дети коренного населения Севера страдают от психоэмоциональных нагрузок различного генеза, а отсутствие эволюционно выработанных механизмов биосоциальной адаптации к факторам современной цивилизации приводит к резкому ухудшению здоровья у детей коренного населения Северных районов.

Таким образом, качество здоровья детей-северян на настоящий момент – это особый вопрос, который в условиях низкой рождаемости, растущего числа различной патологии и хронизации заболеваний требует особого внимания. Для улучшения ситуации необходима ранняя комплексная диагностика характера отставания в развитии ребенка. Кроме этого, необходимо развивать и поддерживать систему профилактического направления работы не только с ребенком, но и с семьей в целом. Именно осознание необходимости позитивных изменений в образе жизни, создание соответствующих мотиваций, выработка навыков и умений здорового образа жизни могут стать решающими факторами изменения картины состояния здоровья детей среди коренного населения северных регионов России.

Список литературы:

1. Макарова В.И., Меньшикова Л.И. Основные проблемы здоровья детей на Севере России // Экология человека. – 2011. – № 1. – С. 39-41.
2. Манчук В.Т., Инденбаум Е. Л. Детерминанты психического здоровья детей на Севере // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. – 2009. – № 4. – С. 25-30.
3. Дьячкова М.Г., Беляков Н.Г. Основные тенденции формирования здоровья детей и подростков, проживающих в условиях Крайнего Севера Российской Федерации // Экология человека. – 2015. – № 4. – С. 19-23.
4. Манчук В.Т., Надточий Л.А. Актуальные вопросы охраны здоровья детей коренных малочисленных народов Сибири и Севера // ТМЖ. – 2014. – № 3 (25). – С. 83-84.
5. Токарев С.А., Буганов А.А. Популяционная оценка факторов, формирующих здоровье детей Крайнего Севера // ВСП. – 2007. – № 1. – С. 15-17.

ОБРАЗ СЕВЕРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

© Михайлова В.В., Неустроева А.Б.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск
Академия наук Республики Саха (Якутия), г. Якутск

Север в представлениях разных людей независимо от того, где они находятся, вызывает схожие образы – холод, суровый климат, долгая зима, дискомфортные условия жизни для человека, периферия. В перечисленных образах угадывается единство смыслов: Север – суровый мир, в котором человеку необходимо выжить. Исследование посвящено изучению образа Севера в представлениях молодых и отвечает на вопросы: «Каков образ Севера?», «С какими социальными группами идентифицируют себя молодежь?» «Какими качествами обладают северяне?».

Ключевые слова: Образ Севера, идентификация, качества северян, анкетирование, фокус-группа.

Образ «схватывает» интенциональное переживание, возникающее в связи с постижением чего-либо. Север в представлениях разных людей независимо от того, где они находятся, вызывает схожие образы – холод, суровый климат, долгая зима, дискомфортные условия жизни для человека, периферия. В перечисленных образах угадывается единство смыслов: Север – суровый мир, в котором человеку необходимо выжить.

Верно ли «схвачено» смысловое наполнение образа Севера? Какие здесь возможны модификации? В поисках ответа обращаемся основателю феноменологии Э. Гуссерлю. Говоря о различных способах сознания образов, он называет ряд его модификаций, которые последовательно сменяют друг друга: изначально образ формируется от первозданно-являющегося источника, какой мы перцептивно схватываем, потом по происшествию времени образ становится репродуктивно-являющимся по «мере воспоминания», а затем по мере развития отображенного образа и т.д. Следовательно, образ динамичен во времени и со временем модифицируется, приобретая качественно различные состояния.

Основной исследовательский вопрос: «Какой образ Севера возникает в представлениях молодых?» построен с учетом динамики образного восприятия и его модификаций, которые отражены в уточняющих вопросах: «С ка-

кими социальными группами идентифицируют себя молодежь?», «Каков образ Севера?», «Какими качествами обладают северяне?»).

Таким образом, данное исследование посвящено изучению восприятия образа Севера студентами Северо-Восточного федерального университета с помощью разных методов: фокус-группы и традиционного формализованного опросника. В фокус-группе участие приняли 10 студентов-регионоведов. Анкетированием были охвачены две группы студентов: бакалавры и магистранты, анкета включала в себя 28 вопросов, заданных в закрытой и открытой формах. Выборочная совокупность пилотного исследования составила 21 человек в возрасте от 18 до 23 лет, из них 57,1 % женщин и 42,9 % мужчин. Распределение респондентов по национальности: 71,4 % – саха, 19,1 % – русские, 9,6 % – другие национальности.

Половина опрошенных студентов проживали в городе Якутске с рождения, 36,8 % переехали в город Якутск из других районов Якутии, 10,6 % респондентов приехали в Якутск из другого региона России, 5,3 % приехали из другой страны. На вопрос «Предполагаете ли Вы в дальнейшем постоянно жить в городе Якутске?» большинство опрошенных студентов (52,4 %) затруднились ответить, не определились с местом жительства в будущем. Более 38,2 % студентов выразили желание после окончания учебы обязательно уехать из Якутска, из них 14,3 % планировали вернуться в родной улус или в другой район Якутии, 23,8 % хотели бы уехать за пределы России. Только 9,5 % респондентов ответили, что точно останутся жить и работать в Якутске.

Для эмпирического изучения структуры идентичности в комбинированном виде применялись социально-психологические методики анализа множественных идентичностей: во-первых, «я-идентификация», как индикатор распространенности, приоритетности и структуры личной самоидентификации; во-вторых, «мы-идентификация», как показатель включенности людей в определенные группы и общности.

«Я-идентификация» фиксировалась с помощью вопроса «Приведите пять разных определений кто вы в порядке убывания значимости для вас, где 1 – это наиболее значимое, 5 – менее значимое». Эмпирические результаты исследования «я-идентификации» студентов показали, что на первых позициях размещаются семейные статусы: сын, дочь, член семьи, внук, мать и т.д., которые по степени значимости собирают наибольшее число ответов (27,3 %). Во вторую очередь большинство респондентов отождествляли себя со статусами «студент», «бакалавр», «магистр» (12,1 %). На третьем месте были гендерные статусы: «девушка», «парень», «мужчина» (10,1 %).

На четвертом месте в рейтинге распространенности следуют такие позиции, как «я – человек» (8,1 %) и «я – саха» (8,1 %). Студенты при личностной идентификации довольно редко выбирали гражданские и территориально-региональные статусы. Так, в исследовании доля статусов «я – гражданин», «я – якутанин», «я – горожанин», «я – россиянин», «я – житель севера, я – северянин» не достигала 4 %.

«Мы-идентификация» в исследовании фиксировалась с помощью вопроса «К каким группам людей Вы себя чаще всего относите?» Данный вопрос позволил исследовать распространенность среди студентов различных видов групповой идентичности (этнической, возрастной, профессионально-экономической, территориально-региональной и т.д.). Всего в анкете было предложено 17 различных категорий групп для самоидентификации и групповой солидарности. Данный инструментарий дал возможность выявить соотношение различных «мы-идентичностей» и на основе сравнения анализируемых показателей, позволил выделить специфику именно северной идентичности. Как видно из таблицы 1, наиболее распространенными позициями, по которым происходило «мы-самоотождествление» студентов, были: во-первых, положение в аскриптивных группах (семья, родные, друзья); во-вторых, «мы-идентификация» с людьми одного возраста, своего поколения, с молодежью (47,6 %); в-третьих, самоотождествление с людьми со схожими интересами и взглядами на жизнь и студенчество (соответственно 42,9 % и 38,1 %).

Таблица 1

«Мы-идентификации»

	Процент наблюдений
семья, друзья, близкие, друзья	100 %
люди одного с вами возраста	47,6 %
люди одинаковых с вами взглядов на жизнь	42,9 %
студенчество	38,1 %
люди, проживающие с вами в одном городе / поселке / селе	28,6 %
люди одной с вами национальности	23,8 %
россияне	23,8 %
люди одной с вами профессии, рода занятий	19,0 %
люди одного с вами материального достатка	9,5 %
люди одной с вами веры	9,5 %
северяне	9,5 %
люди схожих политических взглядов	4,8 %
якутяне	4,8 %
Всего	381,0 %

Анализ территориально-региональных принадлежностей студентов показал, что в наибольшей степени молодые люди идентифицировали себя с локальными региональными позициями, с жителями своего населенного пункта (28,6 %), нежели с такими субрегиональными принадлежностями, как «мы – якутяне» и «мы – северяне» (соответственно 4,8 % и 9,5 %). В то же время опрос выявил высокий уровень этнической и гражданской идентификаций среди молодежи, основой которых выступает чувство принадлежности к определенной национальности и к российскому государству, позиции «мы – люди одной национальности» и «мы – россияне» выбрал каждый четвертый респондент.

Рассмотрим отдельно только территориально-региональные идентичности студентов. В таблице 2 показаны ответы на вопрос «Чувствуете ли Вы принадлежность и близость со следующими группами: россияне, жители Якутии, северяне, жители города / поселка / села?». Наиболее близкими для студентов были группы «мы – жители Якутии» (коэффициент близости составил 0,571) и «мы – россияне» (0,334). Менее всего студенты отождествляли себя с локальными региональными идентичностями «мы – жители нашего города / поселка / села» (0,048) и «мы – северяне» (0,047).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы принадлежность и близость со следующими группами?»

	очень близкое	близкое, но не мое	безразлично отношусь	далекое, но не чужое	совсем чужое	коэффициент близости
жители Якутии	47,6	28,6	14,3	-	4,8	0,571
Россияне	28,6	38,1	19	9,5	4,8	0,334
жители нашего города / поселка / села	38,1	14,3	33,3	9,5	4,8	0,048
жители севера	33,3	19	23,8	9,5	14,3	0,047

Таким образом, социологический опрос показал, что студенты фактически не идентифицировали себя с такой локальной региональной позицией, как «мы – северяне, жители Севера».

Во время проведения фокус-группы студенты высказали следующие причины, почему они не относят себя к северянам:

«Север – это территория за полярным кругом, где тундра, а Якутск, центральные и южные районы республики это не Север, здесь климат мягче, здесь теплее»;

«Север – это только арктические районы, где по-настоящему суровая зима и суровые условия жизни»;

«Северяне – это коренные малочисленные народы, которые живут чуть ли не в юртах, занимаются оленеводством, традиционным промыслом, а себя я не считаю северянином, потому что я живу в благоустроенной квартире, у меня есть горячая и холодная вода из крана, еда в магазине, и я не прохожу те трудности, которые проходят северяне, я даже не видела северного сияния»;

«Если говорить о Севере в республике, то Север – это арктические районы, но если говорить о Севере относительно России, то, конечно же, Республика Саха (Якутия) – это север. Для москвичей я конечно северянка, но сама я себя не считаю северянкой».

В первую очередь Север у молодежи ассоциировался с холодным суровым климатом (81 %), коренными малочисленными народами (76,2 %) и красивой природой (66,7 %) (таблица 3). Более 28 % считали, что Север – это далекие заброшенные территории.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «С чем у Вас в первую очередь ассоциируется Север?»

	Ответы		Процент наблюдений
	N	Процент	
холодный суровый климат	17	28,3 %	81,0 %
коренные малочисленные народы	16	26,7 %	76,2 %
красивая природа	14	23,3 %	66,7 %
далекие заброшенные территории	6	10,0 %	28,6 %
перспективный для развития регион	3	5,0 %	14,3 %
отзывчивые добрые люди	2	3,3 %	9,5 %
олeneводы	1	1,7 %	4,8 %
не знаю	1	1,7 %	4,8 %
Всего	60	100,0 %	285,7 %

Среди хороших качеств северян респонденты назвали любовь к природе, терпение, трудолюбие, скромность и взаимовыручку. Во время фокус-группы были получены следующие положительные характеристики северян:

- «На севере живут приветливые люди, готовые помочь, приютить. Они держатся друг друга, поддерживают»;
- «У северян очень сильно развито чувство красоты, они хорошо рисуют, шьют и мастерят. Это стойкие и преданные семье люди»;
- «Северяне очень трудолюбивые, так как чтобы выжить на севере надо много работать. Они созидательные, мастера на все руки»;
- «Северяне отличаются предприимчивостью, стрессоустойчивостью, работоспособностью, небольшой циничностью, вызванной суровыми условиями жизни на севере».

Среди плохих качеств, присущих северянам, по мнению студенческой молодежи, были равнодушие, ленивость, вспыльчивость, грубость и нерешительность. Так, во время фокус-группа студенты характеризовали жителей Севера с отрицательной стороны следующим образом:

- «Северяне – это суровые люди, также, как и климат, они немного ленивые, но им приходится много трудиться»;
- «Северяне высокомерные и холодные, но если их лучше узнать, то окажется, что они очень сильные люди»;
- «Я два года жила на Севере в арктическом улусе. Это ужасное место! После этого у меня сложилось отрицательное мнение о Севере, о северянах, как о грубых, неприветливых людях. На себе почувствовала только негатив с их стороны»;
- «Северяне – это люди, которые адаптировались выживать на Севере, но не могут выживать в современном обществе, они много пьют, мало зарабатывают и не хотят ничего менять».

Несмотря на то, что большинство студентов не считали себя жителями Севера на вопрос «Какие регионы в наибольшей степени олицетворяют образ Севера?» 85,7 % ответили, что именно Республика Саха (Якутия) олицетворяет собой Север. Кроме этого были названы Чукотский автономный округ (52,4 %), острова Северного Ледовитого океана, Берингова и Охотского морей (42,9 %), Архангельская, Камчатская и Магаданская области (соответственно 23,8 %, 23,8 % и 19 %). Менее всего Север у студентов ассоциировался с Сахалинской, Иркутской, Тюменской и Мурманской областями, а также Красноярским краем. Во время групповой беседы была высказана мысль, что многие области и края, вошедшие в арктическую зону России, по мнению респондентов, не имеют права называться Севером и Арктикой, так как климат у них мягче и теплее.

В следующем вопросе было предложено сделать выбор из характеристики-антипода Севера: «вымирающий» или «возрождающийся». Опрос показал, что Север, по мнению молодых людей, проживающих в Республике Саха (Якутия), это скорее возрождающийся, нежели вымирающий регион.

Список литературы:

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В.А. Куренного. – М.: Академический Проект, 2009. – 489 с.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб., 1999. – 605 с.
3. Вдовина И.С. Феноменология во Франции (историко-философские очерки) / И.С. Вдовина. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.

Секция 6

***ЭТНОС. КУЛЬТУРА.
ПОЗНАНИЕ. ЯЗЫК***

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ ДЕТЕЙ САХА МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

© Старостина Л.Д.

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

В статье приведены результаты исследования особенностей языковой ситуации в Республике Саха (Якутия). В частности показана специфика социализации детей младшего школьного возраста, связанных с языком общения и обучения. По итогам количественного и качественного анализа данных анкетного опроса дается описание языковой ситуации развития современных детей саха, находящихся под влиянием билингвизма в условиях сельского и городского социума.

Так, получена и проанализирована информация, касающаяся: языка общения в семье в дошкольном детстве, языка общения в семье в данное время, языка общения в школе (со сверстниками), предпочитаемого языка общения, чтения книг и журналов, требования родителями от детей знания родного языка, смешивания в речи якутских и русских слов, языка внутренней речи.

Ключевые слова: билингвизм, родной язык, русский язык, билингвальное образование, младший школьный возраст, социализация, специфика языковой среды.

В поликультурном обществе система образования, так или иначе, должна быть направлена на создание всех необходимых условий для развития и полноценного функционирования языков и культур любой этнической группы. В этой связи актуальным является признание, как государством, так и всей общественностью, необходимости развития билингвального образования. Как отмечают исследователи данной проблемы, билингвальное образование, как в России, так и в странах Европы, несмотря на богатую историю, не являлось предметом пристального внимания вплоть до 90-х годов прошлого столетия [1].

На современном этапе проблема билингвального образования признана одним из ведущих направлений образовательной политики европейских стран (New-style Workshop 12A. Bilingual Education in Secondary Schools: Learning and Teaching Non-Language Subjects through a Foreign Language, 1993; Self-Assessment in Upper-Secondary Bilingual Schools (History and Lite-

ature Teaching), 1998; Workshop 21/96. The Implementation of Bilingual Streams in Ordinary Schools: Processes and Procedures – Problems and Solutions, 1996), что способствовало расширению билингвального сектора в образовании многих стран Европы [2].

Благодаря билингвальному образованию у учащихся расширяется предметное знание с использованием двух языков, формируется межкультурная толерантность и коммуникативная компетенция. Таким образом, конечным итогом билингвального образования мы видим языковую личность учащегося, способную порождать и понимать речевые высказывания на родном и неродном языках.

Содержание языковой личности обычно включает следующие компоненты:

- ценностный, мировоззренческий компонент содержания воспитания, т.е. система ценностей, или жизненных смыслов. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения;
- культурологический компонент, т.е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;
- личностный компонент, т.е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке.

Однако, несмотря на «благородные цели» билингвального образования, в средствах массовой информации и в научных кругах не прекращаются дискуссии по поводу его преимуществ и недостатков.

Следует отметить, что проблема языка обучения в поликультурном пространстве имеет свои принципиальные особенности в зависимости от того, кто является субъектом образования – дети из лингвистического большинства или дети из лингвистического меньшинства. При этом билингвальное образование служит целям «взаимосвязанного и равнозначного овладения учащимися двумя языками (родным и неродным), освоения родной и неродной / иноязычной культуры, развития учащегося как двуязычной и бикультурной (поликультурной) личности и осознания им своей двуязычной и бикультурной принадлежности» [3].

Билингвальное образование на сегодня функционирует в четырех вариантах (см. табл. 1):

Таблица 1

Модели билингвального образования в современном мире

Название модели	Категория обучаемых	Язык обучения	Цели обучения	Конечный итог обучения
Переходная модель (Transitional Model)	Представители лингвистического меньшинства	Язык большинства	Постепенный переход от языка меньшинства к языку большинства	приспособление к жизни в обществе лингвистического большинства опыт в использовании языка большинства
Погружение в иноязычную среду (Submersion)	Представители лингвистического меньшинства	Язык большинства	Приспособление к жизни в обществе лингвистического большинства	Опыт в использовании языка большинства
Иммерсионное обучение (Immersion)	Представители лингвистического большинства	Билингвизм с упором на второй (неродной) язык	Культурное и языковое обогащение	Продуктивный билингвизм
Программы «Языковое наследие» (Language Heritage)	Представители лингвистического меньшинства	Билингвизм с упором на родной (первый) язык	Поддержание родного языка	Продуктивный билингвизм

Согласно таблице, можем отметить, что на современном этапе дети лингвистического меньшинства могут быть охвачены тремя моделями билингвального образования («переходная модель», «погружение в иноязычную среду», «языковое наследие»). При этом только последняя модель – Программы «Языковое наследие» (Language Heritage) – служит целям сохранения и развития родных языков представителей этнических групп, не являющихся этническим большинством. Однако и эта модель не способна гарантировать гармоничное формирование языковой компетентности у субъектов билингвального образования.

Одной из ключевых задач развития билингвального образования в Республике Саха (Якутия) является устранение объективных трудностей, поджидающих всех субъектов учебного процесса:

- когда под видом языковой интеграции, обучающийся по программе билингвального образования, фактически подвергается ассимиляции, теряя связь с родной культурой;
- когда успешность обучения учащихся зависит от уровня и профессионализма педагогов – иными словами требуется тщательно продуманная методика и программы билингвального обучения.

В данной статье мы рассмотрим проблемы, встречающиеся при билингвальном образовании детей саха в начальной школе, с учетом всех извест-

ных факторов формирования языковой личности у субъектов лингвистического меньшинства.

В языковом отношении в начальном образовании детей саха республики Саха (Якутия) в настоящее время практикуется три варианта обучения:

- 1) обучение ведется на родном языке, а второй язык (русский) преподается как предмет (однациональные классы);
- 2) обучение ведется на русском языке, а родной язык преподается как предмет (однациональные классы);
- 3) обучение ведется на русском языке, родной язык не изучается (классы со смешанным национальным составом).

Как правило, 1-й вариант школьного образования широко представлен во всех улусах, где традиционно проживают сельское население саха. Это национальные школы, где дети саха могут получать образование на родном языке. В нашем исследовании данную выборку (далее выборка 1) представляют учащиеся IV классов, обучающиеся по программе национальной школы.

2-й вариант школьного образования преимущественно функционирует в некоторых школах г. Якутска, а также в сёлах и посёлках городского типа, являющихся административными центрами улусов. В нашем исследовании это выборка 2, которую представляют учащиеся саха IV классов, изучающие родной язык только в качестве школьного предмета, все остальные предметы преподаются на русском языке.

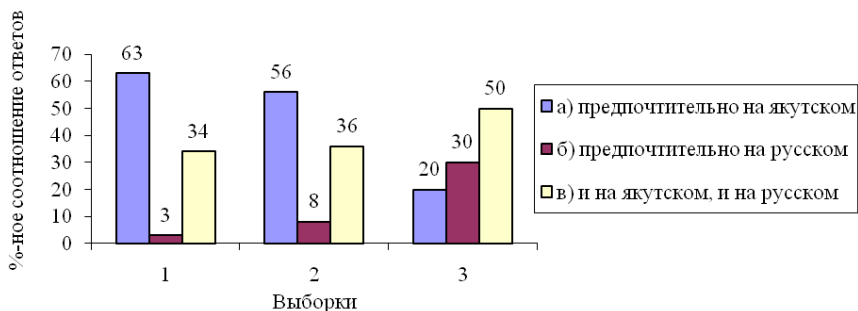
3-й вариант школьного образования является «традиционным» для городских школ и школ районных центров улусов, где проживают представители разных национальностей. В нашем исследовании это выборка 3, представленная учащимися саха IV классов, не изучающих родной язык.

В каждую выборку в равном соотношении были отобраны три группы учащихся по принципу академической успеваемости в школе, проявляющие себя как сильные, средние и слабые в учебной деятельности. При этом выборка отбиралась таким образом, чтобы в нее вошли дети из разных классов-параллелей или школ (т.е. не являются учащимися, обучающимися у одного и того же учителя, по той или иной методике).

С целью анализа социальной ситуации билингвизма, специфики языковой среды, в которой социализируются современные дети саха, нами была составлена анкета, состоящая из 9 вопросов и с вариантами ответов к ним, из которых дети выбирали подходящие для себя. Вопросы анкет касаются специфики социализации детей сельской и городской среды, связанных с языком общения и обучения в узком семейном кругу и школьной среде. По итогам количественного и качественного анализа анкет, мы предполагали

дать описание языковой ситуации развития детей младшего школьного возраста, находящихся под «разной степенью» влияния билингвальной среды (в сельском социуме, городе) с учетом языка обучения.

Первый вопрос анкеты выясняет язык общения в дошкольном детстве наших испытуемых. Так, 63 % учащихся национальной школы (выборка 1) и 56 % учащихся из «якутских классов» с русским языком обучения (выборка 2) с раннего возраста говорили исключительно на родном языке (т.е. являлись монолингвами по разной причине: жили в улусе; посещали ДОО с национальной программой). Однако уже у более трети (34-36 %) учащихся «национальных» и «якутских классов с русским языком обучения» и у половины (50 %) учащихся саха из «русских классов», наблюдалось параллельное общение на родном и русском языках (т.е., наблюдался практический билингвизм). Примерно около трети детей из выборки 3 (30 %), ныне обучающихся в русских классах, преимущественно общались на русском языке, как правило под влиянием ДОО и семьи. Но только 7 % детей признались, что не знают родного языка (см. гистограмму 1).

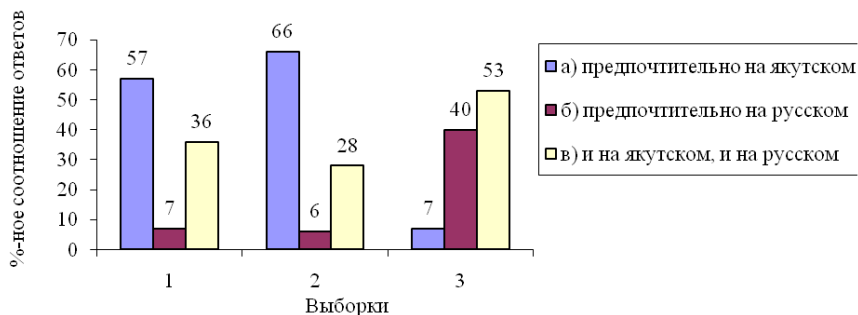
Гистограмма 1. Язык общения в семье в дошкольном детстве

В настоящее время в семьях более половины детей из 1-й (57 %) и 2-й (66 %) выборок общаются на родном языке. Однако около трети (28-36 %) детей из этих же выборок продолжают использовать в быту оба языка. Что характерно для 3-й выборки, то с поступлением в школу (классы с русским языком обучения) увеличилось число детей (с 30 % до 40 %) разговаривающих дома с родными по-русски (см. гистограмму 2).

Таким образом, можно констатировать следующее:

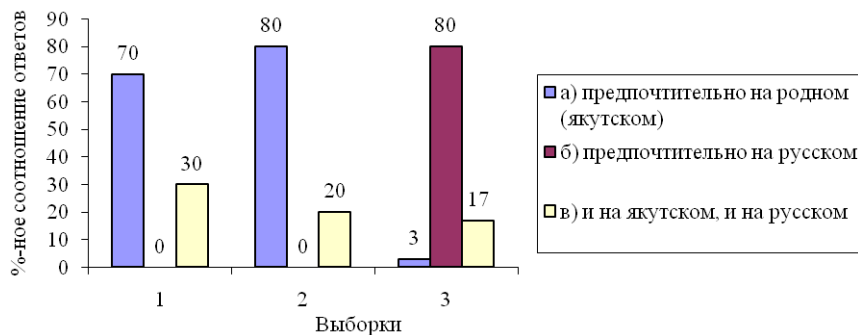
- выбор детьми языка общения во многом определяется социализацией в семье и дошкольном учреждении;

- наибольшее количество (30-40 %) «русскоговорящих» (хотя почти все более или менее понимают на слух якутскую речь) и так называемых «билингвальных» (50-53 %) детей саха приходится на 3-ю выборку (классы с русским языком обучения);
- в семьях более половины (а это 57-66 %) детей из 1-й и 2-й выборок преимущественно предпочитают говорить на родном языке.

Гистограмма 2. Язык общения в семье в данное время

В среде сверстников (в школе) большинство детей 1-й (70 %) и 2-й (80 %) выборок также общаются на родном языке. У детей саха из русских классов (80 %) предпочтительным в общении с одноклассниками является – русский язык. Заметим, что в среде сверстников дети из 3-й выборки менее всего используют оба языка (как правило, дети саха в классах со смешанным национальным составом в количественном отношении представляют меньшинство). Интересно, что дети из 1-й (70 %) и 2-й (80 %) выборок, в школе чаще чем дома (57 %, 66 %) используют родную речь (см. гистограмму 3).

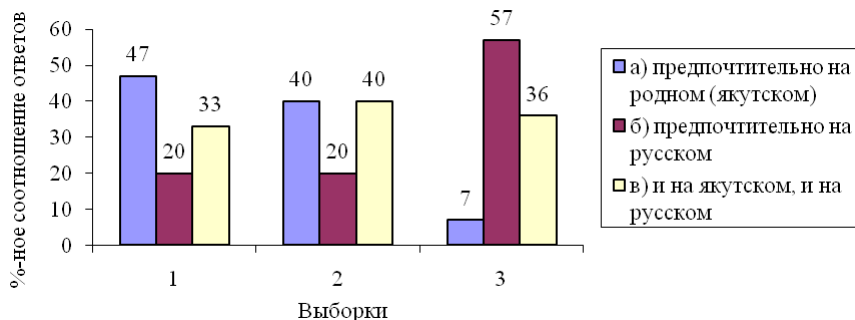

Гистограмма 3. Язык общения в школе (со сверстниками)

Таким образом, можно заметить, что «официальное» использование родного языка в школьном образовании (обучение на родном языке, изучение родного языка) способствует расширению границ употребляемости якутского языка младшими школьниками саха.

Однако картина резко меняется, когда речь идет об эмоциональной составляющей выбора языка. Так, предпочтительным и удобным для детей саха из русских классов является русский язык (57 %), но из тех детей, кто раньше в детстве и ныне дома общаются на обоих языках, 36 % предпочли бы также продолжать использовать в своей речи оба языка. Но около 17 % детей из 3-й выборки вообще перестали общаться на родном языке, т.е. перешли в категорию русскоязычных монолингвов.

Любопытным является выяснившийся факт предпочтения родного языка как эмоционально значимого только 40 % детей из 1-й и 47 % детей из 2-й выборок, когда как в большинстве случаев в школе и дома они общаются преимущественно на родном языке (57 %, 66 %). А более трети детей (33-40-36 %) всех выборок предпочитают в равной мере общаться на обоих языках (см. гистограмму 4).

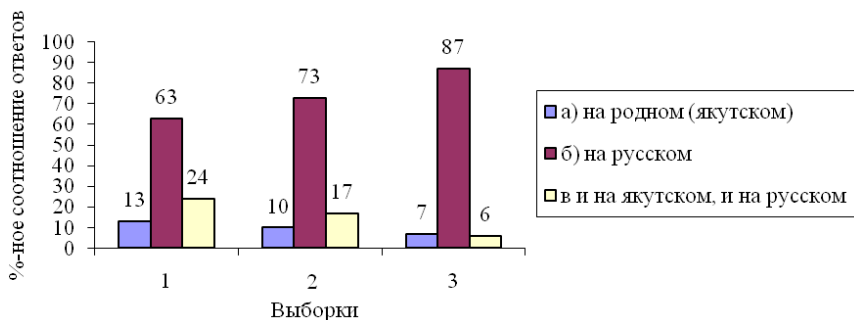
Гистограмма 4. Предпочитаемый язык общения

Итак, можно заключить, что у современных детей саха, независимо от языка обучения наблюдается тенденция предпочтения билингвизма.

Большинство детей из всех выборок (63-73-87 %) удобным для чтения и понимания признают русский язык. Очевидно, что для детей младшего школьного возраста наиболее доступным является чтение русскоязычной литературы. К сожалению, книг и журналов для детей саха данного возраста на современном рынке катастрофически не хватает (см. гистограмму 5).

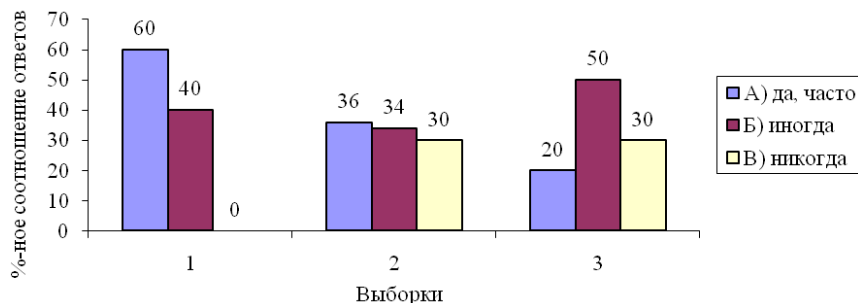
Таким образом, почти отсутствие и недостаток привлекательной детской литературы на якутском языке приводит к тому факту, что дети саха

перестают читать на родном языке. Этого достаточно, чтобы многие дети утрачивали способность не только к грамотной письменной речи, но и устной, не говоря о литературной. Обедняется словарный запас, появляются синтаксические и орфографические ошибки.

Гистограмма 5. Чтение книг, журналов

На качество и чистоту якутской разговорной речи обращают внимание более половины (60 %) родителей детей из 1-й выборки и лишь около трети родителей (36 %) детей из 2-й выборки. Любопытно то, что половина (50 %) родителей детей саха из русских классов, изредка требуют от детей знания родного языка, чтоб научились говорить на родном языке. Однако уже треть (30 %) родителей детей из 2-й и 3-й выборок не считают за первостепенную важность знание родного языка (см. гистограмму 6).

Гистограмма 6. Требование родителями знания родного языка

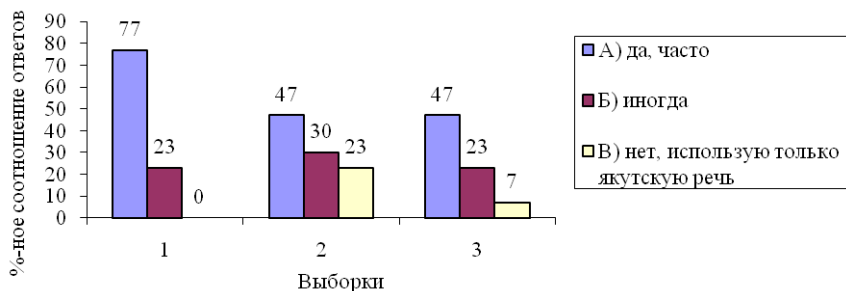
Итак, прослеживается следующая особенность родительского подхода к «языковому воспитанию»: те родители (а это 100 %), которые отдали своих детей в национальные классы, убеждены в том, что их ребенок обязан знать родной язык. А около трети (30 %) родителей детей из 2-й и 3-й выборок

(это те дети, которые обучаются в школе на русском языке) хотят видеть своих детей одинаково хорошо владеющими двумя языками.

Таким образом можно сказать, что выбор родителями для своих детей классов с русскоязычным обучением, где родной язык преподается только как предмет, определяется, по их мнению, установкой на билингвизм.

Известно, что абсолютный (совершенный) билингвизм встречается гораздо реже, чем так называемый несбалансированный билингвизм и «полужычие». Негативной стороной влияния билингвизма является появление целого поколения молодых людей не умеющих правильно, грамотно использовать, как ни парадоксально, родной язык. То есть когда большая часть информации поступает из иноязычного источника (например, на государственном языке – русском), велика вероятность того, что родной язык, используемый в ограниченном пространстве, обычно в узком семейном кругу, начинает отодвигаться на второй план. Так постепенно и безвозвратно для малочисленного населения происходит языковая ассимиляция.

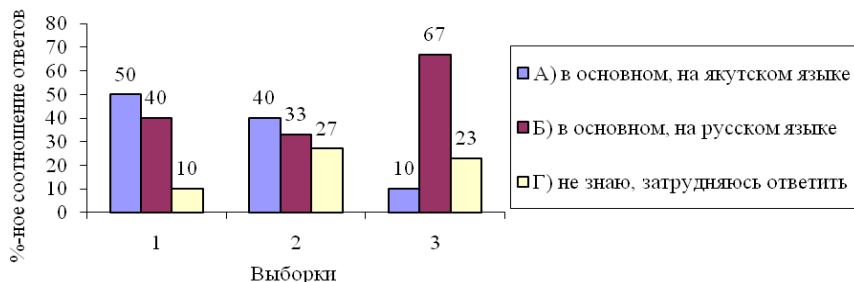
Мы включили данный вопрос в анкету и получили следующие ответы детей (см. гистограмму 7). По самоотчетам детей из 1-й выборки значительная часть (77 %) из них в якутской речи невольно включают русские слова. Однако такое происходит только у половины (47 %) детей из 2-й и 3-й выборок, среди которых встретились те (23 %), кто уверен, что следит за «чистотой» своей речи, когда говорит на родном языке. Интересно, что среди детей 1-й выборки (национальных школ) не нашлось ни одного, кто бы смело мог утверждать такое. Возможно, дети из национальных школ более критичны в самооценках, однако этот факт также может настораживать, поскольку в какой-то мере указывает на ассимиляционные процессы в культуре.

Гистограмма 7. Смешивают якутскую и русскую речь

Интересным представляются ответы школьников на вопрос о том, на каком из языков им легче думать, размышлять (см. гистограмму 8). Так, большинство детей из 1-й (50 %) и 2-й (40 %) выборок при решении задач и

т.п., предпочитают думать на родном языке. Дети из 3-й выборки в большинстве своем (67 %) думают на русском языке. Доля детей использующих «в уме» с одинаковой успешностью родной и второй языки в 1-й (10 %) и 2-й (27 %) выборках гораздо меньше. Если сравнить эти данные с данными гистограммы 4, то можно увидеть, что язык внутренней речи часто совпадает с предпочитаемым в общении языком.

Гистограмма 8. Язык внутренней речи

Итак, исходя из анализа анкетных данных, можно отметить, что для всех детей саха характерна языковая ситуация стихийного и смешанного билингвизма, начиная уже с раннего возраста. По мнению психолингвиста Л.В.Щербы, при смешанном билингвизме в процессе самообучения оба языка формируют в сознании говорящего лишь одну систему категорий таким образом, что любой элемент языка имеет свой аналог в другом языке. Овладение вторым языком предполагает формирование новой функциональной речевой системы на основе уже сформированной функциональной системы первого языка, если два языка усваиваются последовательно. Однако недоразвитие каких-то функций на родном языке системно отражается на развитии аналогичных функций на втором языке. Важно также, что времени усвоения каждого из языков соответствует разный уровень созревания мозга и сформированности познавательных функций, что не может не сказываться на мозговой организации функциональной системы каждого языка.

Также типичным для всех детей саха является ситуация естественного (бытового) билингвизма, так как естественный билингвизм возникает в соответствующем языковом окружении (в которое входит и наличие радио и телевидение) и благодаря широкой речевой практике.

Как показывают анкетирование, те дети саха из русских классов, которые в детстве говорили на двух языках (50 %), уже в последующем в повседневном общении полностью переходят на русский язык (80 %), чего не наблюдается у детей из 1-й выборки (из национальных школ) и детей из 2-й выборки (изучающих в школе родной язык в качестве предмета).

Судя по всему, для детей 3-й выборки, чей язык обучения в школе русский, родной язык постепенно становится «лишним, ненужным, неудобным». Это тревожный факт, поскольку может в последующем (в юношеском возрасте) отразиться на трудностях идентификации, стать причиной внутриличностного конфликта.

Как подчеркивают психологи, необходимо четкое разделение языка общения дома и в школе / детском саду, когда на протяжении длительного времени сохраняются две полноценные языковые среды, жизненно важные ребенку, и в каждой из них не понимают одного языка, т.е. для общения с ними нужен второй язык. Если у дошкольников при перемене языковой среды один из языков перестает быть необходимым для общения, ребенок забывает его и из двуязычного становится одноязычным. Чем младше ребенок, тем скорее он может забыть свой первый язык в условиях новой языковой среды.

Список литературы:

1. Петрова А.И. Формирование системы двуязычного образования: история, теория, опыт: На примере математического образования в Республике Саха (Якутия): дисс. на соискание ученой степени доктора. пед. наук: 13.00.01, 13.00.02. – Москва, 2004.
2. Записки гидрографического департамента Морского Министерства // Навигацкие школы в Сибири. – СПб., 1850. – Ч. 8.
3. Гальскова Н.Д., Коряковцева Н.Ф., Мусницкая Е.В., Нечаев Н.Н. Обучение на билингвальной основе как компонент углубленного языкового образования // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 2. – С. 12-16.

УДК 159.99 ББК 88

БИЛИНГВИЗМ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ САХА В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

© Старостина Л.Д.

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

В работе рассматриваются проблемы национально-русского билингвизма у современных детей саха. Приводятся различные подходы к

определению роли билингвизма в развитии личности. Рассматриваются как положительные, так и негативные аспекты двуязычия в формировании языковой компетентности подрастающего поколения. Показана важность формирования у субъекта билингвизма и языковой компетентности по отношению к родному языку как маркера социально-этнической идентичности и толерантности.

Ключевые слова: билингвизм, двуязычие, языковая компетентность, поликультурная среда, социализация, дезадаптация.

Двуязычие (билингвизм), будучи социальным феноменом, играет важную роль в становлении личности ребенка уже с малых лет. Положительная роль билингвизма заключается в том, что развитие двуязычия способствует этнокультурному взаимодействию, так как знание русского языка является важнейшим условием поликультурного взаимодействия и социально-психологической адаптации. Помимо этого, исследователи отмечают и негативную сторону билингвизма, что выражается в распространении среди современной молодежи саха двуязычия несбалансированного типа – неравного владения и русским, и якутским языком [1, с. 106]. Таким образом, на сегодня весьма актуальным становится проблема формирования билингвизма и языковой компетентности детей саха как важного условия успешной социализации.

Двуязычие среди народа саха начало развиваться с XVII века, что было связано с первыми контактами коренного населения с представителями российской империи – начиная с первопроходцев, заканчивая политссыльными [2, с. 36]. В советский период истории дальнейшее развитие национально-русского двуязычия в республике шло довольно противоречиво, что отражалось не только в общественной и трудовой жизни, но и в системе образования. Как показывают итоги переписей, проведенных с 1959 по 1989 гг., число лиц среди народа саха, считающих родным якутский язык, несколько уменьшилось, уступив место русскому языку. Таким образом, можно утверждать, что с повышением полиэтничности общества для образованной части населения саха более характерно уменьшение языковой компетентности на родном языке [3, 4, 5].

В настоящее время билингвизм, способствуя общению, взаимопониманию, сотрудничеству разных народов представляет собой глобальный социальный процесс. При этом развитие родного языка и второго (русского) языка должно выступать как двуединый процесс, и развитие билингвизма должно происходить не в ущерб национальным языкам. Как отмечал Ю.В. Бромлей, роль родного языка в развитии личности определяется не

только необходимостью общения внутри своей этнической группы, а необходимостью передачи от поколения к поколению духовно-культурных ценностей народа. В поликультурном информационном пространстве родной язык есть не что иное, как маркер социально-этнической идентичности. Следует также отметить, что такое важное качество личности как толерантность к другой культуре, другим языкам и этносам, формируется благодаря билингвизму. Таким образом, освоение не только своего национального, но и инонационального культурного фонда, обогащает культурную жизнь этносов, способствуя дальнейшему социальному и культурному развитию. И, наоборот, изоляция этноса от других этнических групп тормозит его дальнейшее развитие [6, с. 26].

Современные условия жизни общества сопряжены со значительной миграцией населения или проживанием представителей той или иной национальности в русскоязычной среде, в которой они, как правило, не теряют родной язык. Наиболее характерным типом билингвизма в России является национально-русский, который усваивается как путем обучения, так и непосредственным общением с русскоязычным населением. В современных условиях наиболее распространенным является ранний бытовой билингвизм, когда усвоение родного и русского языков идет практически параллельно. При этом каждый возраст по-своему является сензитивным для овладения вторым языком: в дошкольном – лучше воспринимается произношение, в школьном – синтаксис и морфология, с подросткового возраста появляется способность осознанно использовать когнитивные и языковые стратегии, и только в взрослом возрасте становятся доступными семантические тонкости второго языка [7, 8].

Исследования психофизиологических и нейропсихологических механизмов формирования речевой функции в онтогенезе тоже дают противоречивые выводы. Одни указывают на целесообразность ориентации обучения ребенка-дошкольника на одну языковую систему [9, 10, 11, 12, 13], другие утверждают успешность овладения вторым языком уже в раннем дошкольном возрасте [14, с. 136].

На самом деле абсолютных билингвов, одинаково совершенно владеющих двумя языками, не так много. По мнению Ж.Л. Глозман, языки, приобретенные в школьном и студенческом возрасте преимущественно логическим, аналитическим путем, даже освоенные на очень высоком уровне, неизбежно содержат грамматические и лексические «неправильности», в отличие от речи носителя языка. Совершенный билингвизм возможен только в том случае, если два языка усваиваются параллельно в раннем возрасте, по-

скольку пути их развития и способы употребления максимально похожи: основной путь усвоения – через устное общение [15].

Помимо этого в условиях двуязычия может возникать и логопедическая проблема у детей, свидетельствующая о том, что параллельное воспитание ребенка в двух языковых средах вызывает у него те или иные симптомы дезадаптации: повышенную возбудимость, некоторую расторможенность, низкий порог невротического реагирования [16]. Так, билингвизм нередко становится причиной возникновения специфического рода речевых ошибок на русском языке, обусловленных как особенностями взаимодействия языковых систем, так и нарушением речевого и психического развития. Фактор билингвизма для детей с речевой патологией является отягощающим, что не может не сказаться на развитии речевой, познавательной, а, следовательно, и учебной деятельности [17, с. 150].

Итак, проблема психического развития детей в условиях билингвизма остается одной из спорных и противоречивых проблем многонационального общества, что и определяет наш интерес к изучению данного феномена у детей саха, социализация которых проходит в условиях двуязычия.

Список литературы:

1. Никифорова П.Г. Двуязычие и проблема языковой компетентности народа саха в современных условиях // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2008. – Выпуск № 4, Том 5.

2. Аргунова Т.В. Некоторые вопросы национально-языкового развития республики (исторический аспект) // Тезисы докладов республиканской научно-практической конференции «Якутия и Россия: История и перспективы сотрудничества народов», 22-23 октября. 1992 г. – Якутск: ЯНЦ СО РАН. – С. 33-36.

3. Население Якутской АССР // Итоги переписи населения на 13 января 1939 г. по Якутской АССР. – Якутск, 1962.

4. Статистический сборник № 7 // Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. – Якутск, 1980.

5. Статистический сборник № 3 // Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 года. – Якутск, 1990.

6. Бромлей Ю.В., Козлов В.И. К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР // Советская этнография (в дальнейшем – СЭ). – 1975. – Том I. – С. 9; Этнические процессы в современном мире. – М., 1987. – С. 26.

7. Ведель Г.Е. Методы обучения иностранным языкам и их методологическая основа // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – Выпуск 1. – С. 85-91.

8. J. Aitchison. Language Change: Progress Or Decay? Fontana Linguistic (Том 933) Universe introductions to linguistics. Universe Books, 1985. p. 264.

9. Аврорин В.А. Роль родного и русского языков в культурном подъеме народов Севера // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXXII. Вып. 6. – М., 1973. – С. 503-512.

10. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1965.

11. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М.: МГУ, 1969. – С. 19.

12. Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 26-42.

13. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 5-22.

14. Имедадзе Н.В. Экспериментально-психологические исследования овладения и владения вторым языком. – Тбилиси, 1979. – С. 136.

15. Глозман Ж.М. Дети в социальной ситуации билингвизма // Другое детство. Сборник научных статей. – М.: МГППУ, 2009.

16. Курбангалиева Ю.Ю. Логопедический анализ речи детей дошкольного возраста с билингвизмом: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03. – Москва, 2003.

17. Козырева О.А. Билингвизм как междисциплинарная проблема // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Выпуск № 13 (141).

УДК 373.3 ББК 88.58

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КРЕАТИВНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

© Бадмаева Х.Т., Санжаева Р.Д.

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

В статье рассматриваются проблемы развития креативности как системы интеллектуальных и личностных особенностей человека, способствующих самостоятельному выдвижению и нестандартному решению

проблем, генерированию оригинальных идей. В контексте национальной образовательной доктрины «Новая школа», в которой на первое место ставится задача развития способностей каждого учащегося, данная проблема становится наиболее актуальной в связи и с тем, что данный возраст оттогенеза является сензитивным для креативного развития младших школьников.

Ключевые слова: этнопсихология, младший школьник, способности, креативность, задатки, межполушарная асимметрия мозга.

Креативность (от лат. creatio – созидание) – это способность человека породить необычные идеи, находить оригинальные решения, отклоняться от традиционных схем мышления. По А. Маслоу, креативность – это творческая направленность, врожденно свойственная всем, но теряемая большинством под воздействием среды. С целью развития творческого мышления могут использоваться учебные ситуации, которые поощряют учащихся к формулировке множества вопросов. Принято считать, что креативность можно развивать путем специального обучения. Несмотря на то, что творческие способности являются объектом специального развития в процессе обучения (Л.В. Занков, Д.Б. Богоявленская, В.В. Давыдов и др.), в целом, в отечественной психологии развитие креативности в учебном процессе изучено недостаточно, особенно факторы, оказывающие влияние на развитие креативности личности. При характеристике креативности, психологи указывают на проблему способностей и чаще всего креативность рассматривают как общую творческую способность, процесс преобразования знаний.

Существует большое число разноплановых факторов, определяющих как природу, так и проявление творческих способностей, которые можно объединить в три группы. Первая группа включает природные задатки и индивидуальные особенности, определяющие формирование творческой личности. Во вторую входят формы влияния социальной среды на развитие и проявление творческих способностей. Третья группа – это зависимость развития креативности от характера и структуры деятельности [1].

«Креативность рождается в точке касания двух встречных векторов: культуры (транслирующей смыслы, передающей ценностную информацию) и личности (перерабатывающей информацию, субъективирующей смыслы)», – справедливо подчеркивает И.М. Кыштымова [8].

Младший школьный возраст является наиболее сензитивным периодом онтогенеза для развития творческих способностей в силу их связи с нравственными принципами этого возраста (Л. Колберг и др.), которые рождаются в культуре этноса, ее многомерном смысловом богатстве [2].

Теория креативности К. Мартиндейла [6] также позволяет рассмотреть некоторые проблемы работы с креативными детьми в психолого-педагогической практике. Так, например, проблема условий, способствующих гармонизации раскованности креативного мышления с саморегуляцией и социализацией креативных детей через эмпирические понятия растормаживания, рассуждения, содержания мышления, внимания, ассоциации, межполушарной асимметрии мозга (МПА).

Открытие межполушарной функциональной асимметрии мозга явилось революцией в психологии и физиологии, за что в 60-ые годы XX века американский ученый-нейрохирург Роджер Сперри был удостоен Нобелевской премии. Исследования привели к предположениям, что левое полушарие специализировано на оперировании словами и другими условными знаками, а правое – на оперировании образами реальных предметов, а также отвечает за ориентацию в пространстве, и некоторые эмоциональные состояния. Левое полушарие активизируется при чтении технических текстов, правое – при чтении художественных. Значительны и различия в способах, стратегии переработки информации, исторически сложившиеся в культурах западного и восточного типа. Спецификой «правополушарного» мышления многие ученые считают готовность к целостному «схватыванию», к одномоментному восприятию предметов, явлений и мира в целом со всеми его составными элементами. С «левополушарным» мышлением связывается, напротив, способность к последовательному, ступенчатому познанию, которое носит аналитический, а не синтетический характер. Благодаря правому полушарию складывается целостный образ мира, а левое постепенно собирает модель мира из отдельных, но тщательно изученных деталей.

С помощью «левополушарной» стратегии любой материал организуется так, что создается однозначный контекст, всеми понимаемый одинаково и необходимый для общения между людьми.

Отличительной же особенностью «правополушарной» стратегии является формирование многозначного контекста, который не поддается исчерпывающему объяснению в традиционной системе общения, (например, это проявляется в этике многих восточных народов как нежелание и умение не говорить слово «нет»: например, у бурят вместо отрицания говорят: «мэдхэ-гуй» – «не знаю»). Поэтому условно западную культуру называют «левополушарной», восточную – «правополушарной».

Когда слушатель анализирует музыкальное произведение, преобладает активность левого полушария, когда же он погружается в мелодию и сливается с ней, доминирует правое полушарие. То же относится к слову: повсе-

дневная речь стремится к однозначности, иначе было бы невозможно взаимопонимание. Но когда мы переходим к обсуждению сложных межличностных отношений с их эмоциональной окраской, возможности речи оказываются недостаточными, включаются жесты, мимика, интонация. Художественная проза, поэзия приобретают магическую силу благодаря именно многозначности.

Без организации многозначного контекста невозможно любое творчество, а без творчества, в том числе креативности, невозможны технический и духовный прогресс. Именно сфера культуры с ее огромным творческим потенциалом легко усваиваема в силу выше указанных особенностей мышления ребенка. В отечественной науке в исследовании проблемы МПА значительный вклад был внесен работами Б.Г.Ананьева и его сотрудников по изучению парной работы полушарий головного мозга: амбидекстрия, «праворукость», особенно «леворукость», важный фактор в обучении.

Содержание учебно-воспитательного процесса предоставляет учителю огромные возможности для развития креативности младших школьников. Например, на всех уроках могут быть предложены различные нестандартные задания с элементами занимательности, использование народных произведений, пословиц и поговорок, интерпретация и сочинительство сказок и т.д. Большие ресурсы для креативности заложены в учебных предметах «Окружающий мир» и «Основы религиозных культур и светской этики».

Список литературы:

1. Акимова М.К. Способности и одаренность: учеб. пособие. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – 376 с.
2. Бадмаева Х.Т., Санжаева Р.Д. Развитие креативности у детей младшего школьного возраста // Вестник Бурятск. госуниверситета. Психология. Социальная работа. – 2013. – Вып. 5. – С. 74-78.
3. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей: учеб. пособие. – М.: Академия, 2002. – 213 с.
4. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: учеб. пособие. – М., 2001. – 216 с.
5. Дорфман Л.Я. Теория креативности К. Мартиндейла // Вопросы психологии. – 2014. – № 4. – С. 126-135.
6. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб.: Питер, 2009.
7. Кыштымова И.М. Психосемантика креативности. – Иркутск: Изд-во Иркут. Госун-та. 2009. – 579 с.

ОБРАЗ ЖЕНСТВЕННОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЯКУТСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО ЭПОСА «НЬУРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»)

© Хохолова И.С.

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск

В работе представлено изучение образа женственности в смысловом восприятии художественного текста эпического произведения читателями-реципиентами якутской культуры. Изучение образа женственности показывает об образе мира представителей якутской культуры, об их определенных ценностях, «овнешняемых» посредством языковых знаков.

Ключевые слова: текст, концепт, гендер, языковое сознание, образ мира, ассоциации.

Текст можно рассматривать не только как продукт и объект коммуникативно-познавательной деятельности, но и как ее образ, поскольку смысловая структура художественного текста в восприятии читателя формируется на основе образа мира, существующего в сознании носителя той или иной культуры. Смысловая структура понимания текста у читателей-реципиентов может выявить концептуально-когнитивное и эмоционально-аффективное смысловые содержания.

В рамках нашего исследования образов сознания читателей в смысловом восприятии художественного текста эпического произведения «Нюргун Боотур Стремительный» [1] нами изучен образ женственности в якутской культуре, поскольку гендерные стереотипы, в свою очередь, отражают представления о женственности как концепт культуры, который накладывает отпечаток на речевое поведение личности.

Ключевыми словами и словосочетаниями, выражающими «женственность» в ходе анализа смыслового восприятия текста у читателей оказались «дьахтар» (женщина), «ийэ» (мать), «аан ийэ дойду» (мать-земля), «кыталык» (стерх), «балыс» (младшая сестра), «кыыс» (девушка, девочка), «эмэ-эхсин» (старушка), «үрүн көмүс» (серебряный, серебро), «урун тулук» (пуночка), «алаас» (якутский родной простор). Набор ключевых единиц предполагает выявление закономерностей речемыслительной деятельности чи-

тателей по восприятию и пониманию текстов, выявление гендерных стереотипов складывающихся в языковом сознании читателей – носителей культуры, в целом, на материале рассматриваемого текста. Данные слова и словосочетания компоненты образа женственности были предложены в качестве слов-стимулов в ассоциативном эксперименте (Якутск, 2010), с целью выявления структурно-семантических особенностей вербальных опор, влияющих на возникновение ассоциативной читательской проекции – с одной стороны, и, выявления образа мира представителей якутской культуры, их определенных ценностей, «овнешняемых» посредством языковых знаков, с другой.

Ниже жирным шрифтом будут отмечены слова-стимулы и курсивом – группы ядерных реакций в ассоциативных полях, поскольку «основные направления ассоциирования выявляются в совокупности наиболее частых ассоциаций, составляющих ядро ассоциативного поля, развиваясь за пределами ассоциативного ядра за счет дополнительных, факультативных элементов каждой наметившейся ветви» [2]. Периферийные слои ассоциативного поля включают и единичные индивидуальные реакции, отражающие личностные смыслы испытуемых. Две первые по рангу зоны семантического гештальта рассматриваются нами как «ядерные» группы реакций, которые «сигнализируют» о самых типовых связях референта, обозначаемого в определенной культуре исходным словом. Поэтому мы считаем возможным использовать «ядерные» группы реакций ключевых единиц в качестве инструмента для ассоциативных образов женственности, вызванных в сознании представителей якутской культуры на основе текста эпического произведения.

Женственности у якутских испытуемых присущи свойства природного и первобытного, которые вероятно вытекают из анимистических языческих верований.

У якутских испытуемых «женственность» ассоциируется, прежде всего, с природой, матерью-землей, вытекающих из космогонических и мифологических представлений, нравственно-этических норм и поведения, отношения к окружающему миру и места человека в этом мире. У якутских испытуемых «**аан ийэ дойду**» (мать-земля) у мужчин содержит ассоциаты *родина, родной край*, и только потом *весь видимый мир*, тогда как у женщин мать-земля это *весь видимый мир, вселенная* и **алаас** с компонентами *якутский родной простор* и *природа*.

Природное у якутских испытуемых рассматривается через призму религиозно-мифологического мировоззрения, выражаемого специфическими для носителей якутской культуры ассоциативными образами ключевых еди-

ниц: **кыталык** (стерх) как *олицетворение счастья и красоты, сакральность птицы*, **үрүн көмүс** (серебро, серебряный, – ая) ассоциируется с *представлениями о благополучии*, **үрүн туллук** (пуночка) у мужчин, прежде всего, включает ассоциативное ядро *белая птица*, тогда как у женщин преобладает эмоционально-чувственный «факт» *нежные чувства*. «Белые птицы в якутском мифе – символ неба, воплощение небесных божеств айыы. По традиционным верованиям, птица – олицетворение души (кут) человека...» [3]. Так самые распространенные реакции на стимул **үрүн туллук** у якутских женщин ассоциируются с известной песней *ырыа* якутского народа «Үрүн туллук эрэ мөлбөстүүр», *эрэ мөлбөстүүр* (10), *мөлбөстүүр* (7), автором слов которых является один из основоположников якутской литературы, драматург, поэт и прозаик Анемподист Иванович Софронов *Алампа* (5), посвятивший эти стихи своей супруге *Е. Яковлевой (Алампа кэргэнэ)*. **Кыталык** (стерх) у якутского народа является олицетворением красоты и счастья. В понимании этого «чудного создания природы» отражена мечта якутского народа о счастливой жизни. Видеть танец стерхов – знак доброго предзнаменования, редкий дар, ниспосланный божествами Верхнего мира. **Үрүн көмүс** (серебро, серебряный) ассоциируется у якутских испытуемых прежде всего, с изделиями, украшениями, которые имеют для якутов, не только эстетическое, но и особое сакральное значение, и которые связаны с широким кругом религиозно-мифологических представлений серебра с очистительным и магическим свойствами. У якутов серебро всегда ассоциировалось с чистотой и благородством, это символ благополучия как духовного, так и материального.

Социальная и возрастная дифференциации имеют важную роль в представлении окружающего мира носителями якутской культуры. Жизненный этап женщины по представлению якутов включает пять возрастных групп, где первые три группы 1. Дети до 5-9 лет; 2. Девочки-подростки от 10-15 лет; 3. Совершеннолетние девушки, достигшие брачного возраста, невесты, молодые женщины от 15 до 30 лет обозначаются как **кыыс (девочка / девушка, дочь)**; группа 4. Женщины средних лет, имеющие детей (до 50 лет) – **дьахтар (женщина)**, группа 5. Пожилые и старые женщины (старше 50 лет) – **эмээсин (старуха)**. У якутских испытуемых «**дьахтар**» (женщина) – это, прежде всего, половина человечества (анар), которая не противопоставляется мужчине, а вместе с мужчиной рассматривается как взаимодополняющие стороны. Патриархальная система в якутской семье предполагала уважительное отношение молодого поколения (балыс / младший, младшая сестра) к старшему (ага, агас / старший, старшая сестра). И эти традиции уважения

и почтения старших в наши дни сохраняются как нравственно-этические нормы в обществе. Родственные связи также имеют огромное значение в якутской семье: **ийэ** (мать) с ассоциативным ядром *любовь материнская и родитель, родной человек*, **балыс** (младший по возрасту, или младшая сестра) *родственные отношения и возрастные особенности*, **«ойох»** (жена) *вторая половина и мать семьи*.

Таким образом, изучение образа женственности на материале текста эпического произведения показывает, в целом, специфические представления об образе мира представителей якутской культуры, об их определенных ценностях, которые транслируются посредством языковых знаков. Образ женственности, во-первых, предстает природным и первобытным, вытекающим из традиционных анимистических верований, во-вторых, проявляется в социальной и возрастной дифференциации родового строя.

Список литературы:

1. Хохолова И.С. Оппозиция «мужественность» и «женственность» в якутской, русской, французской культурных традициях (на материале якутского эпоса Нюргун Боотур Стремительный» и его переводов на русский и французский языки: автореф. на соискание канд. филол. н. [Электронный ресурс]. – М., 2010. – Режим доступа: <http://www.linguanet.ru/science/dissertations/2010/Khokholova%20I.S./Khokholva%20I.pdf>.
2. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма: Монография / Е.И. Горошко. – М.; Харьков: Издательский Дом «ИНЖЭК», 2003. – 440 с.
3. Алексеев Н.А., Романова Е.Н. Традиционные верования и обрядность // Якуты (Саха) / Отв.ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. – М.: Наука, 2012. – С. 312-346.

**ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

II Международной научной интернет-конференции

г. Якутск, 11-24 апреля 2016 г.

Подписано в печать 20.12.2016. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 6,98 Печ. л. 7,50 Заказ

Отпечатано в типографии
ООО Издательство «СИБПРИНТ»
630099, г. Новосибирск, ул. Максима Горького, 39